

Полина Ребенина

АНТОН ЧЕХОВ

Лучшие биографии

Полина Ребенина

АНТОН ЧЕХОВ

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.(1)
ББК 83.3(2Рос-Рус)1

Ребенина П.

Антон Чехов / П. Ребенина — «ВЕЧЕ», 2025 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4484-5410-3

Об Антоне Павловиче Чехове написаны сотни книг. Это и серьезные исследования, и подробные биографии. Но, по-видимому, ни одна из них не может быть названа вполне исчерпывающей, ведь заслуги этого человека в мировой литературе и театре слишком велики. Чехов не просто большой писатель, он новатор и революционер в литературе и театре. Своего исторического значения Чехов никогда не предсказывал, но силу и новизну литературного и театрального дара признавал. Он отказался использовать литературу как проповедь, не хотел быть ни либералом, ни консерватором. Он желал быть свободным художником. Антон Павлович прожил всего 44 года. После него остались двадцать томов бессмертных произведений и память о человеке, всю жизнь отдавшем служению людям. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.(1)
ББК 83.3(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-4484-5410-3

© Ребенина П., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Введение	6
1. Таганрог	9
2. Егор Михайлович Чехов	13
3. Дядя Митрофан	21
4. Родители	25
5. Детство и отрочество	33
6. Самостоятельная жизнь	38
7. Московские лишения	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Полина Ребенина

АНТОН ЧЕХОВ

© Ребенина П., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Введение

«Нянька Варька, девочка лет тринадцати...»

Эти строки из рассказа Чехова «Варька» до сих пор время от времени всплывают в моей памяти... А ведь прошло уже несколько десятилетий с тех пор, как я произносила эти слова со сцены... Было тогда и мне самой лет тринадцать. Училась я хорошо и памятью обладала просто феноменальной. Это заметили учителя и поручили мне выучить этот рассказ Чехова наизусть. Понимали, что для меня особого труда это не составит. А потом на каждом концерте, посвященном какой-либо знаменательной дате, будь то школьный литературный вечер или же мероприятие к годовщине революции, неизменно выставляли на сцену меня. И я с выражением произносила чеховскую «Варьку», 3–4 страницы текста проговаривала наизусть. С трепетом душевным читала я этот рассказ, особенно потрясал его трагический конец, когда бедная, измученная Варька, не осознавая того, что делает, душит орущего ребенка и наконец-то спокойно засыпает. Чтение этого рассказа волновало меня и неизменно вызывало сочувствие и энтузиазм в зрительном зале.

С той поры Чехов – один из моих самых любимых писателей. Поначалу интересовали меня его детские рассказы – «Ванька», «Каштанка». Однако читать его было так легко и увлекательно, что вскоре перечитала я все его произведения, за исключением пьес. А уже в зрелые годы произошел еще один эпизод, обративший мое внимание на русского классика.

В 2001 году, когда я работала врачом в Европе, преподнес мне мой пациент-швед замечательный подарок – билет в стокгольмский театр на пьесу Чехова «Три сестры». Таким образом хотел он выразить свою благодарность за теплое отношение и успешное лечение членов его семьи. Он долго раскланивался и объяснял, что это отнюдь не взятка, а просто признательность. Ведь, как подкуп, его подарок рассматриваться никак не мог: его семья к этому времени переехала в другой район города и лечению в моей поликлинике уже не подлежала.

Я сомневалась, но желание увидеть знаменитую пьесу моего соотечественника перевесило. И вот я отправилась в Стокгольм, где увидела и услышала родную пьесу на шведском языке. И никогда об этом не пожалела, даже на чужом языке впечатление пьеса производила незабываемое. А может быть, я просто стосковалась по Родине и русской литературе. И поэтому этот вечер стал для меня праздником.

А вернувшись в Россию, я вплотную занялась писательством. В том числе литературоведением и написала, и опубликовала книги о жизни и творчестве русских писателей. Вначале это был И. С. Тургенев, затем В. А. Жуковский, ну а вот теперь пришла очередь А. П. Чехова.

Чехов с девятнадцати лет писал небольшие рассказы для сатирических журналов и рамки этих изданий как раз и заставляли его формировать новый подход к написанию заметок и сенок. То есть в принципиально маленький размер нужно было уложить принципиально большой объем. И все это стало своеобразной школой для последующего Чехова. И для последующих поколений писателей. Надо сказать, что короткие, простые и удивительно талантливые рассказы Чехова были настоящим переворотом в литературе. До этого никто даже не пробовал так писать. Ольга Книппер, жена писателя, расстраивалась тем, что у мужа нет «крупных» произведений. На что Чехов отвечал: «Это у меня, Дуся, почерк мелкий...» Так возник знаменитый чеховский стиль, краткость, когда каждая деталь играет роль в тонком и очень сконцентрированном сюжете. Удивительная красота чеховского языка, потрясающий юмор, ирония и глубина суждения – все это делает его рассказы уникальными и не имеющими аналогов в мире.

Сам Чехов не очень высоко ценил свое творчество, он часто говорил, что ведь «есть Толстой и был Достоевский». И что он в сравнении с этими гениями? Действительно, что было делать молодому писателю после таких титанов мысли? Ведь казалось, эти гиганты написали

уже все, что только можно, научили людей жизни и художественно осмыслили душу. Но тут появляется Чехов! И в разговоре с Иваном Буниным Чехов утверждал, что через семь лет его уже никто не будет читать. Однако сам Лев Толстой после смерти Антона Павловича сказал: «Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде...» Именно Льву Николаевичу принадлежит высказывание: «Чехов – это Пушкин в прозе».

Начиная с двадцатых годов Чехов мало-помалу приобрел и за рубежом – на пяти континентах – такую же славу великого классика. Хотя в каждой стране его имя пишется по-разному – то *Cehov*, то *Tschechov*, то *Tchehoff*, то *Chekov*, то *Chekhoff*, – всюду, и в Мельбурне, и в Сантьяго, и в Стокгольме, и в Кейптауне, и в Париже, и в Лондоне, это имя окружено ореолом величия. Однако на Западе Чехова как несравненного творца юмористических рассказов практически не знают. Он известен как гениальный драматург, равный по величине Шекспиру. Бернард Шоу писал: «В плеяде великих европейских драматургов... имя Чехова сияет как звезда первой величины». Для театральной культуры США Чехов – вершина. Чехова играют все, везде, на нем учатся. Есть уже даже американские пьесы, написанные о Чехове. Почему же он стал такой иконой для искусства XX века? Практически все спектакли по пьесам Антона Павловича на первых представлениях имели провал. Спектакли по его произведениям поражали не вмиг, завоевывали сердца постепенно и навсегда, становясь мировыми шедеврами.

Когда о Чехове узнали на Западе, то и там все начали писать иначе. Именно с нашего Чехова началась и новая эпоха для драмы, новая эпоха для литературы, для прозы, для рассказа. Несомненно, что успех театральной школы Станиславского и Немировича-Данченко и их метода также способствовали популярности Чехова.

Доказывать современным читателям величие Чехова – значит ломиться в открытую дверь. Начисто забылось назойливое брюзжание Михайловского, злое улюлюканье Протопопова, Арсения Введенского, Евгения Соловьева, Петра Перцова, Николая Русанова и многих других современников, преследовавших Чехова до самой могилы. Скудоумные домыслы Теодоровичей, Лялевичей рассеялись дымом, словно их никогда не бывало.

Современный читатель даже не подозревает о том, что Чехову приходилось работать в таком окружении врагов. Теперь на читателя широким потоком хлынули восторженные книги о Чехове – диссертации, монографии, очерки, мемуары, исследования, свидетельствующие, что великий художник наконец-то оценен по заслугам. Не только изучено все его творчество в целом, не только созданы монографии, любовно и вдумчиво прослеживающие изо дня в день всю жизнь его от колыбели до гроба, но создана целая библиотека исследований о его связях с теми или иными идеями, с теми или иными людьми, с теми или иными местами и т. д. «Чехов и Горький», «Чехов на Сахалине», «Чехов и Таганрог», «Чехов и Москва», «Ялта в жизни и творчестве Чехова», «Чехов и Короленко», «Чехов и Плещеев», «Чехов и Бунин», «Чехов и Мейерхольд», «Чехов и Куприн», «Чехов и Чайковский», «Чехов и музыка», «Чехов и наука», «Чехов и религия», «Чехов и дети», «Чехов и женщины» и т. д. и т. п. Неутолим и горяч интерес к каждому моменту жизни Чехова, к каждой местности, которую он посещал, к каждому большому человеку, с которым привелось ему сталкиваться.

И все-таки я отважилась написать книгу о Чехове, может быть, мне хотелось выразить свое собственное отношение к творчеству и к событиям жизни великого русского писателя. Начиная писать книгу о жизни А. П. Чехова, я, как и полагается, прежде всего стала знакомиться с литературой, посвященной ему. Монографий о его жизни и творчестве немало. Прежде всего, это воспоминания членов большой семьи Чеховых – братьев Александра, Ивана, Михаила и сестры Марии. Затем замечательные жизнеописания писателей-эмигрантов Ивана Бунина и Бориса Зайцева. Оба – большие русские писатели, которые лично знали Чехова. А Иван Бунин в последние годы жизни писателя стал не только другом, но почти что членом его семьи и подолгу жил с Антоном Павловичем в Ялте. Ну и, конечно, воспоминания современ-

ников – Гиляровского, Короленко, Горького и др. Познакомилась и с переводом монографии о Чехове Анри Труайя – «самого русского из французских литераторов».

Никак нельзя было обойти вниманием замечательную книгу Корнея Чуковского «О Чехове», изданную в 1967 году. Это была последняя прижизненная книга Чуковского. Этот писатель, родившийся в 1892 году, был современником Чехова, но благодаря долгой жизни оказался и нашим современником. В течение всей своей жизни Чуковский писал и думал о жизненной судьбе и загадочном таланте Чехова, убежденно считая его самым «скрытым» и самым непрочитанным русским писателем. Его книга произвела сильное удивление в читающем сообществе. В такой интонации ни биографий, ни исследований о Чехове раньше не писали.

«...Трудно нынче даже и представить себе, что такое был Чехов для нашего поколения, для подростков 90 годов, – говорил Чуковский в своем последнем радиовыступлении. – Чеховские книги казались единственной правдой обо всем, что творилось вокруг. Читаешь чеховский рассказ или повесть, а потом глянешь в окошко и видишь как бы продолжение того, что читал. Я тогда не знал ничего об его жизни, даже не догадывался, сколько было в ней героизма, но во всех его книгах, в самом языке его книг, феноменально богатом, разнообразном, пластическом, я чувал бьющую через край могучую энергию творчества».

Рассказывая об эволюции Чехова, о его сложном художественном мире, о языке и поэтической живописи, Чуковский горел желанием сказать о Чехове то, чего до него никогда еще не говорилось. И ему это удалось. Когда в 1954 году писатель и эмигрант Борис Зайцев выпустил в Париже свою литературную биографию Чехова, то он сумел переправить свой труд в Советский Союз, а именно Корнею Чуковскому, которого знал с начала 1900 годов. В ответ он получил письмо, где его книга была с восхищением названа... осиянной.

Изредка попадаются биографии и иного рода, выискивающие в облике писателя негативные стороны, смакующие, так сказать, «клубничку». Это касается практически всех известных личностей, слетаются вокруг журналисты, как навозные мухи, и выискивают скабрзные детали, надеясь выстроить на этом свою личную популярность. Но мы их здесь упоминать не будем...

Вот с такими мыслями и чувствами отправилась я в дальнейшее плавание – погружение в жизнь великого русского писателя. Все даты в книге приведены по старому юлианскому календарю, который применялся в России до 1918 года. Результаты этих изысканий предлагаю я вниманию моих читателей.

1. Таганрог

Чехов родился 17 января 1860 года в городе Таганроге. Город этот старинный, он был основан еще Петром I в 1698 году. В то время русский царь был одержим идеей найти для России выход в море и отвоевал это побережье у Турции с целью основать здесь военно-морскую базу. Сразу же на берегу Азовского моря началось строительство, и вскоре здесь появилась Троицкая крепость. Строился город Таганрог «большой кровью», непосильным каторжным трудом согнанных сюда крестьян. Работники не выдерживали и многие бежали на Дон или даже за границу, в Турцию. Хотя для православного человека жизнь в мусульманской Турции, среди неверных, считалась позором.

Тогда хитроумный Петр решил привязать работников к этому месту семейной жизнью. Был издан приказ для Москвы – выделить каждую десятую девицу и собрать ей всем миром приданое. Несколько сотен невест было отправлено на берег Азовского моря, и таким образом работники были закреплены здесь женами и детьми. Однако Турция смогла отвоевать эти территории обратно и, по Прутскому договору, принудила Россию разрушить все построенные укрепления.

Окончательно же вошла эта территория в состав Российской империи во времена Екатерины II и стала частью Екатеринославской губернии. В это время Россия уже прорубила окно в Европу через Санкт-Петербург. Таганрог, стоявший на берегу мелководного Азовского моря, потерял свое значение как военная база и остался лишь красивым торговым городом на берегу теплого моря.

В 1825 году в Таганроге скоропостижно скончался император Александр I, известный как Блаженный. Смерть эта была неожиданной, мистической, многие в нее не поверили. Говорили, что Александр инсценировал свою смерть и в гроб был положен умерший солдат, внешне похожий на императора. Настоящий же Александр, много лет мучимый угрызениями совести за участие в заговоре против своего отца Павла I, зверски убитого заговорщиками, постригся в монахи. Стал зваться Федором Кузьмичом и ушел в Сибирь.

Подобное превращение позднее пережила и его супруга императрица Елизавета Алексеевна. После смерти мужа она еще на полгода осталась в Таганроге. Так же как муж неожиданно и скоропостижно скончалась в 1826 году. Согласно популярной версии, она тоже не умерла, а вслед за мужем решила отказаться от мирской жизни, став затворницей Верой Молчальницей в Сырковом девичьем монастыре Новгородской губернии. Она хранила 23 года обет молчания и, не нарушив его, скончалась в 1861 году.

При основании Таганрог имел четкую регулярную планировку, похожую на ту, которую впоследствии Петр I использовал при строительстве Санкт-Петербурга. К 60-м годам XIX века, в связи с быстрым выдвиганием Одессы, а затем и Ростова-на-Дону, Таганрог утратил свою былую торговую славу, но в то же время еще не превратился в крупный промышленный город, каким он стал к концу XIX века. Он постепенно стал приходить в упадок: железную дорогу проложили мимо, корабли приплывали в порт все реже. Город превращался в захолустье.

Всю промышленность Таганрога в 60-х годах XIX века составляли полукустарные макаронные и табачные фабрики да несколько маленьких заводов – кирпичный, канатный, свечной, кожевенный. Их роль в жизни города была так незначительна, что в отчете Таганрогского градоначальства за 1860 год работа на них вообще не была упомянута среди главных в разделе «занятие населения».

Летом 1855 года происходили варварские бомбардировки Таганрога соединенным англо-французским флотом, от которых и к началу 60-х годов город еще полностью не оправился. На окраине города то здесь, то там попадались дома, изрешеченные штуцерными пулями и ядрами, остатки зданий, зияющие пустыми глазницами, и развалины амбаров. Однако в центре

города появилось немало величественных каменных зданий, были построены театр, библиотека, даже итальянская опера. Украшали город огромный городской сад и бескрайняя лазурь Азовского моря.

В год рождения Чехова, в 1860-м, в Таганроге было около 21 тысячи жителей. «Главная промышленность градоначальства», – писалось в вышеупомянутом отчёте, – по-прежнему состояла «в заграничной торговле, в работах при порте по погрузке и выгрузке товаров и в рыбной ловле».

Состоятельные горожане, помимо торговли, жили процентами с капиталов, крупными спекуляциями, доходами от сдачи в аренду домов и земли. Не гнушались они и контрабандной торговлей, в которой зачастую деятельное участие принимали сами городские власти.

Вид Таганрога. Начало XX в.

Громкую известность в городе и за его пределами снискали торговцы и мануфактуристы Вальяпо, Скараманга, Герасимов и им подобные, все, по свидетельству брата писателя Александра Чехова, «... малограмотные и далеко не чистые на руку... Наличие миллионов в кармане, крупная торговля с Европою и мелкие сделки с совестью шли у этих господ рука об руку и друг другу не мешали». Нажив многомиллионные состояния, эти «деятели города» расходовали их на устройство грандиозных пирушек и картежные игры. Бешеные средства тратились на содержание в городе итальянской оперы, на приобретение в Италии мраморных надгробных плит, на покупку щегольских заграничных экипажей, породистых лошадей, роскошных дамских туалетов. Это считалось шиком и проявлением европейской культуры.

В 1879 году, ко времени окончания Чеховым гимназии, город вырос – число его жителей увеличилось до 37 тысяч, вместо керосинового было введено уже газовое освещение. В 1869 году Таганрог был соединен железной дорогой с Харьковом и Ростовом. В 1876 году в городе открылась маленькая публичная библиотека, но жизнь осталась такой же нудной, неинтересной, «бескрылой».

Что дал Таганрог молодому Чехову? Наряду с негативным восприятием «серости и растительности» местной жизни, накопилось у будущего писателя множество разнообразных наблю-

дений и впечатлений; здесь увидел он колоритные фигуры чиновников, купцов, мещан и других обывателей, описанных им позднее в своих произведениях.

В то же время в Таганроге Чехов пристрастился к чтению книг, полюбил театр и драматургию. Здесь же, в окрестностях Таганрога, Антон Павлович рассмотрел неповторимую красоту русской степи, непревзойденным певцом которой он стал впоследствии. В родном городе Чехов узнал людей, светлое воспоминание о которых сохранилось у него на всю жизнь.

Вот отрывки из писем Чехова к своим родственникам и друзьям, в которых он описывает Таганрог и его жителей, в особенности барышень того времени: «Напиваюсь чаю и иду с Егором на Большую улицу. Вечереет. Улица прилична, мостовые лучше московских. Пахнет Европой. Налево гуляют аристократы, направо – демократы. Барышень чертова пропасть: белобрысые, черноморденькие, гречанки, русские, польки... Мода: платья оливкового цвета и кофточки. Не только аристократия (т. е. паршивые греки), но даже вся Новостроенка носит этот оливковый цвет. Турнюры не велики. Только одни гречанки решаются носить большие турнюры, а у остальных не хватает на это смелости».

«Был в саду. Играла музыка. Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в Сокольниках. Круг битком набит».

«Как ни скучна и ни томительна таганрогская жизнь, но она заметно втягивает; привыкнуть к ней нетрудно. За все время пребывания в Таганроге я мог отдать справедливость только следующим предметам: замечательно вкусным базарным бубликам, сантуринскому, зернистой икре, прекрасным извозчикам и неподдельному радушию дяди. Остальное все плохо и незавидно. Барышни здесь, правда, недурны, но к ним нужно привыкнуть. Они резки в движениях, легкомысленны в отношениях к мужчинам, бегают от родителей с актерами, громко хохочут, влюбчивы, собак зовут свистом, пьют вино и проч.»

«Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов – никаких... Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников».

Отчий дом А. П. Чехова в Таганроге. Начало XX в.

По-видимому, юному Чехову в Таганроге со временем стало просто тесно и скучно среди местного населения, ему не хватало впечатлений и духовного простора. Все это он нашел в Москве, куда переехал в 1879 году.

В Таганрог Чехов неоднократно приезжал уже будучи известным писателем. Судя по всему, его всегда тянуло на малую родину, впрочем, как и большинство людей. В письмах к своим родственникам и друзьям Чехов писал: «Куда бы я ни поехал – за границу ли, в Крым или на Кавказ, – Таганрога я не миную» или «после Москвы я более всего люблю Таганрог».

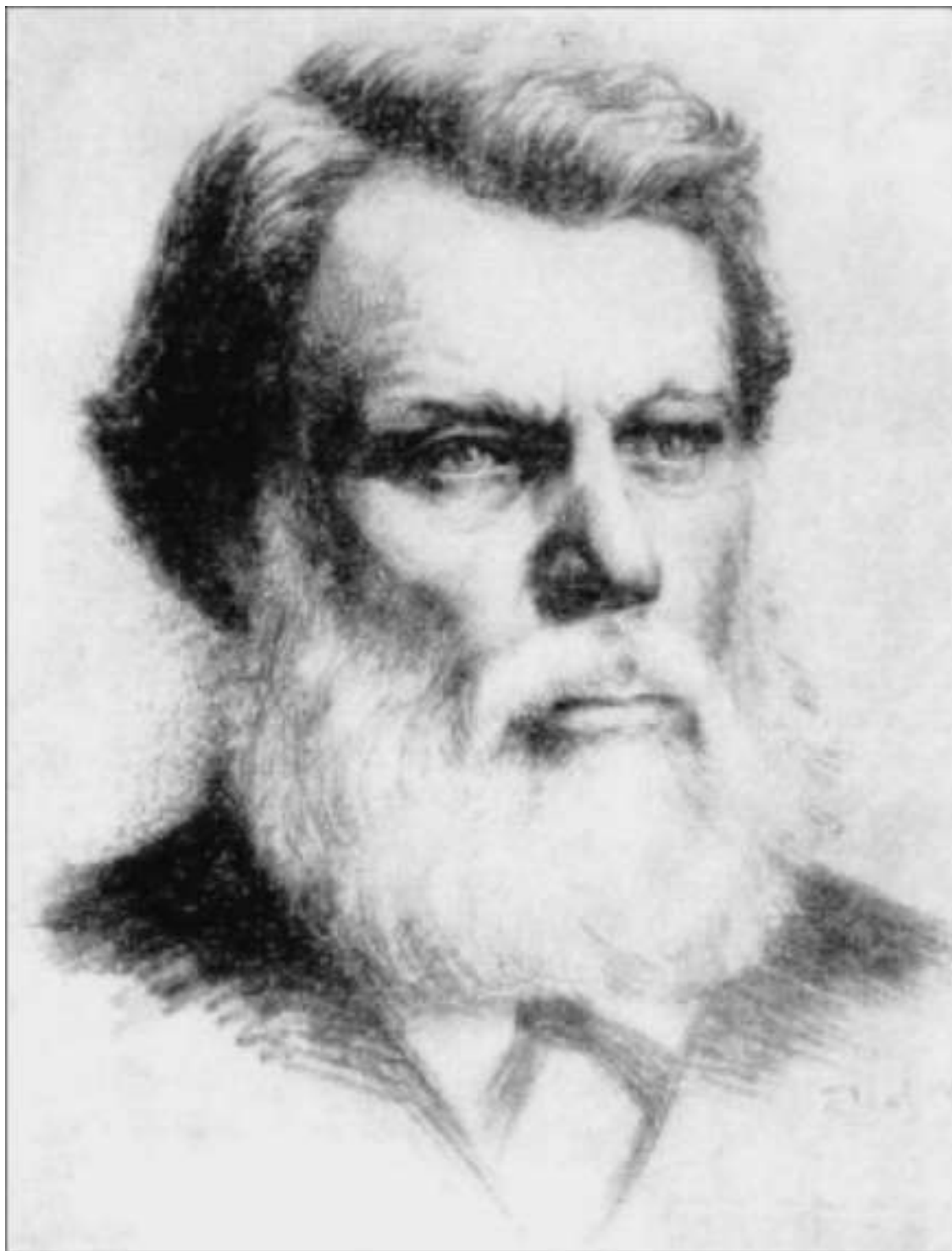
2. Егор Михайлович Чехов

Дед будущего писателя, Егор Михайлович Чехов, был поистине замечательным человеком. Он был крепостным крестьянином у помещика Черткова. Того самого Черткова, который оказался дедом известного соратника Льва Толстого и основателя толстовства Владимира Григорьевича Черткова. Проживала семья в селе Ольховатка Воронежской губернии. Бабушкой писателя была Ефросинья Емельяновна Чехова (до замужества Шимка).

Егор Михайлович Чехов был человеком волевым, и он поставил целью освободить себя и свою семью от крепостной зависимости. За тридцать лет тяжелого труда он сумел собрать деньги и в 1841 году выкупил из крепостной зависимости себя с женой и сыновей. Родители же и братья его так и остались в холопах, той же воли к свободе и внутренней целеустремленности у них не было. Удивительно то, что он смог собрать огромную сумму денег безо всякой помощи со стороны. Цена их свободы была три с половиной тысячи рублей.

Тут хочется вспомнить, как выкупался из крепостной зависимости художник Тарас Шевченко примерно в те же годы. Выкуп этого уже известного художника обошелся дорого – аж в 15 тысяч рублей. Такая высокая цена объяснялась тем, что его владелец помещик Энгельгардт готовил Тараса на роль своего придворного живописца и истратил уже много денег на его обучение. Выкупали Шевченко всем великорусским миром, причем самую большую долю внесла императорская семья. Надо сказать, что неблагодарный Тарас позднее очень презрительно отзывался об императорской чете и призывал всю царскую семью утопить в крови. Несмотря на это, через несколько лет петербургская знать снова решила помочь Тарасу и выкупить из неволи его сестер. Деньги собрали, но они до сестер так и не дошли, так как уже вольный Тарас загулял и все их пропил.

Но у деда Чехова был другой характер, он, не в пример Тарасу Шевченко, был не пропойцей и гулякой, а человеком мудрым, серьезным и великим тружеником. И во главу угла ставил свободное будущее своей семьи и детей. Воспоминания Егора Михайловича о своей жизни пересказала его внучка Вера Васильевна, а записала правнучка Руденко Ксения Андреевна. Они читаются как увлекательный роман:

Егор Михайлович Чехов. Рисунок С. М. Чехова. 1956 г.

Ефросинья Емельяновна Чехова. Рисунок С. М. Чехова. 1956 г.

«С малых лет, – рассказывал Егор Мих(айлович), – мне приходилось очень много работать на помещика и при дворе, и в поле, и на пасеке, и в лесу, и на пастбище. Особенно тяжелой, и не лежала у меня к ней душа, была работа при дворе. Надо было в течение дня проделать большое количество всевозможных, никому не заметных работ. Одни посылали на кухню чистить картошку, другие – привести в порядок конюшню, третьи – таскать воду для мытья полов и подмести двор. При малейшем неудовлетворении я часто получал побои и поэтому всей душой рвался к своей любимой работе в поле и на пасеке. Но иногда меня посылали и на пастбище, и на лесозаготовки. Будучи 14 лет, я начал болезненно чувствовать беспросвет-

ное положение раба с тяжелым подневольным трудом и унижительными побоями. Болезненное чувство породило во мне страстное желание научиться грамоте, благодаря которой, как мне казалось, я облегчу себе рабское положение. Причиной такого большого желания научиться грамоте послужило следующее обстоятельство. Однажды ранней весной я пришел на пасеку и начал чистку в ульях, не заметив того, как подошел пасечник. Он, видимо, долго, незаметно наблюдал за мной, а потом сказал: „Егорка! Ты наверное любишь это дело, хочешь всегда работать только на пасеке?“ Но я ему ответил: „Я люблю работать и на пасеке, и в поле и буду одинаково хорошо работать и там и там“. В одно пребывание мое на пасеке пасечник мне сказал, что он собирается выписать из Италии пчелиных маток. Позвав меня в домик на пасеке, показал мне несколько журналов по пчеловодству, в которых были сняты матки и красочно изображенные виды пасек. Он мне сказал, что в этих журналах описано все о пчеловодстве и об уходе за пчелами. Я подумал про себя: „Вот он откуда знает так много о пчеловодстве, вот где нужна грамота. Надо во что бы то ни стало ее постичь“.

Прошло некоторое время, и из Италии пришли выписанные пасечником матки. Услышав об этом, я поспешил на пасеку. На столе в домике лежали три маленькие коробочки, в которых находились матки. Когда пасечник стал открывать одну из них, то находившаяся там матка, совершенно без признаков жизни, вспорхнула и вылетела в открытую дверь. Я в испуге помчался за ней, чтобы ее поймать, но пасечник возвратил меня и, раскрыв шире дверь, сказал: „Матка должна вернуться обратно сама“. Действительно, она вернулась и села в коробочку на прежнее место. Все присутствовавшие здесь были удивлены таким явлением и посчитали это не иначе как за чудеса. Но я и здесь подумал, что вся сила этого заключается в грамотности, которая объясняет и облегчает всякие дела. Опять я говорю себе: „Надо учиться грамоте“.

Вот тут-то мысль научиться грамоте так овладела мною, что я твердо решил добиться своей цели любым путем. Я потерял покой, все думал об этом, не зная, как мне это осуществить. Я даже стал забывать, что я все-таки раб и что это для нас едва допустимо. Проходя через барский двор, я с завистью смотрел на веранду барского дома, где на веранде сидели барыни и читали газеты и журналы. Поделиться с кем-либо о своем решении учиться грамоте я не решался. Но однажды я не вытерпел и проговорился об этом своему отцу. Отец в отчаянии сказал: „Егор! Брось об этом помышлять, засекут тебя, знай, засекут“. Я подумал и ответил ему: „Нас секут за всякие провинности и часто без всякого повода, и мы все терпим, за это я тоже потерплю“.

Нелегко мне было думать о том, кто же сможет обучить меня грамоте и притом тайно. В разговоре со своим сверстником Сидором Харитоновым, сыном помещичьего дворового крестьянина, я узнал, что его отец был грамотным и тайком обучал грамоте своего сына. Сидор, узнав о моем желании обучаться грамоте, пообещал мне по мере своего ознакомления с грамотой помогать мне по своим книгам. Но осуществлять это было крайне сложно, так как приходилось укрываться с книгами на чердаках, по хлевам, конюшням и в лесу, где я пас скот. Длительные отлучки мои стали заметными, а в работе тоже не все шло хорошо, как это было раньше, за что неоднократно подвергался побоям. Но ради такого большого дела я переносил все унижения.

Удавалась мне грамота легко, а под конец я закончил ее самостоятельно. Радостно мне было, когда я постиг грамоту. Грамота моя собственность, и хотя я и раб, но никакая сила не сможет отнять ее у меня. Теперь, когда я проходил через барский двор и видел на веранде господ за чтением газет и журналов, я уже не завидовал им и мне хотелось им громко сказать: „Я тоже постиг грамоту и тоже умею читать“. Обучившись грамоте, я пристрастился к чтению книг, журналов и газет, которыми меня тайно снабжал Сидор из барского дома. Книги меня многому научили, на многое открыли глаза, хотя я за них и подвергался избиениям.

Однажды, присматривая стадо, я расположился возле леса и, читая вслух газету, не заметил того, как на лошади подъехал объездчик и со всей силой ударил меня хлыстом по голове,

а потом начал полосовать все тело. От неожиданности я в испуге вскочил и, к своему ужасу, заметил, что газета вся была изодрана, а ее надо было в целом виде возратить Сидору.

Поводом к избиению было только то, что я держал газету в руках и вслух читал, что рабу было не положено. Тело ужасно ныло от боли, но я думал больше об изодранной газете, чем о своем теле. На другой день барам стало известно, что у меня в руках была газета и я, остерегая скот, лежа читал ее вслух. Меня велели привести на допрос в барский дом. Прежде чем привести в дом, меня снова полосовали плетью, чтобы показать верность своим барам, а потом, как скотину, погнали во двор.

Отец мне напомнил: „Я тебе говорил, засекут тебя, а ты все грамоту хочешь уразуметь, не положено нам – это барское дело“. Меня тревожило не то, что меня снова начнут бить, а то как бы не допытались, кто меня обучал грамоте и кто мне дал газету. Но тревога моя оказалась напрасной. Никто из бар не только не спросил меня, откуда у меня взялась газета, но даже никто не поинтересовался, каким образом и когда я научился грамоте. Барин раскрыл передо мною книгу и заставил прочитать несколько строчек и прочитанное написать. Удивления он не выразил по этому поводу, а только осмотрел меня со всех сторон и приказал: „Иди к управляющему и будешь выполнять всю ту работу, которую он тебе скажет“.

Я со страхом вошел в помещение конторы, в которой сидел управляющий за большим столом. Он на меня строго посмотрел и грозным голосом спросил: „Ну что, смог уразуметь грамоту?“ „Да, умею читать и писать“, – ответил я. „Ты будешь выполнять всю работу по конторе, которую я тебе укажу“, – приказал он. Первая работа в конторе, которую поручено было мне вести, заключалась в том, что надо было производить точный учет почтовых поступлений и отправлений. Вначале я растерялся и даже испугался, боясь в самом начале работы получить побои, но один из конторских работников (тоже крепостной) помог мне разобраться в бумагах, и я быстро и успешно освоил всю технику.

Постепенно под строгим контролем управляющего мне поручалось вести домовую переписку, вести учет урожайности зерна, меда, учитывать скот и отправление его в Петербург и другие города. Все работы, которые поручал мне управляющий, осваивались быстро и выполнялись хорошо. Управляющий очень хвалил меня за доброе выполнение всех поручаемых мне работ и к праздничным дням делал мне вознаграждения.

Слух о моей работе и стараниях дошли до помещика Черткова, и он со своей стороны награждал меня, вызывал к себе в дом и перед всей семьей выражал похвалу за мои старания. Помещик замечал мои успехи и старания во всех конторских делах и советовал управляющему, чтобы тот постепенно приобщал меня к делу управления имением. Я с большой охотой и рвением схватился и за эту работу, которая протекала гладко, без всяких замечаний. Во время заболевания управляющего помещик приказал мне самостоятельно вести всю работу по управлению имением, и я с этим трудным делом справлялся. За все успехи мои в делах я всегда имел вознаграждения от управляющего и от помещика. Теперь я уже без робости брался за всякие работы, так как все трудности я преодолел без осложнений, но все же под присмотром управляющего имением. Но однажды, советуясь с управляющим, помещик решил проверить меня в области покупки для имения сельскохозяйственных орудий. Для этого отправил меня с помещиком в г. Воронеж.

Первый раз в городе мне показалось несколько суетно и многолюдно, что меня тревожило и настораживало. Однако, преодолев все городские трудности, закупили все порученные нам орудия, которые удовлетворили помещика, и он остался доволен необходимыми покупками для весенних работ.

Не ожидая весны, помещик с управляющим решили меня с двумя помощниками направить в Петербург для продажи туш крупного рогатого скота и меда. Я высказался помещику о своей робости, но он мне ответил, что я со всякой работой справлялся и это тоже одолею. С большим грузом мы отправились в Петербург, где вся продукция была продана довольно

выгодно, и помещик был доволен хорошим исходом нашей поездки. Такие поездки повторялись несколько раз, и мне давались вознаграждения за удавшуюся поездку, которые я скупко копил для будущего.

Между тем благодаря моему познанию всего хозяйства помещик решает приблизить меня к управлению всеми делами имения. Однако шли годы, я обзавелся семьей, которая увеличилась до 6 человек. Но все они, как и я сам, были крепостными помещика Черткова. Это обстоятельство, положение раба, крайне тяготило меня, особенно при том положении, в котором находился я, выполняя такую сложную и полезную работу для помещика. Я начал особенно задумываться над этим униженным положением раба. Особенно страстным желанием было освободить себя и всю свою семью от крепостничества после того, как я побывал в больших городах и увидел там кипучую жизнь свободных людей.

Но для освобождения от рабства необходимы деньги для выкупа. Источниками накопления средств для выкупа у меня являлись вознаграждения, получаемые мною за хорошую работу от помещика и управляющего. В силу этого семья моя жила очень скудно, так как все возможные средства я скупко собирал для ее выкупа.

Я обратился к помещику с просьбой об освобождении меня и моей семьи от крепостничества. Помещик подсчитал всех членов семьи и нашел, что для выкупа моей дочери Александры денег не хватает, и он отдал мне ее бесплатно, как „малоценный товар“. Собрав свой скудный скарб, среди которого я вез два короба книг и журналов, подаренных мне членами семьи помещика, на другой день ранним утром, простившись со своим учителем грамоты Сидором и его семьей, я покинул имение Ольховатку, место мрачной жизни крепостного раба».

Егор Михайлович с семьей двинулись к югу и по пути сделали остановку в деревне Твердохлебово, где выдали дочь Александру замуж за сельского писаря В. Г. Кожевникова. По словам отца, «она была очень юная, и я боялся везти ее в город, ибо там жулики ее могут обмануть»...

Собравшись, Егор Михайлович поехал дальше в направлении юга и сделал остановку в г. Таганроге, где и решил устраиваться со всей семьей. Он купил в Таганроге небольшой домик. Там он пристроил своих сыновей к делу, но недолго в городе оставался. Городская суэта тяготила, снова потянуло его к земле, к сельскому хозяйству.

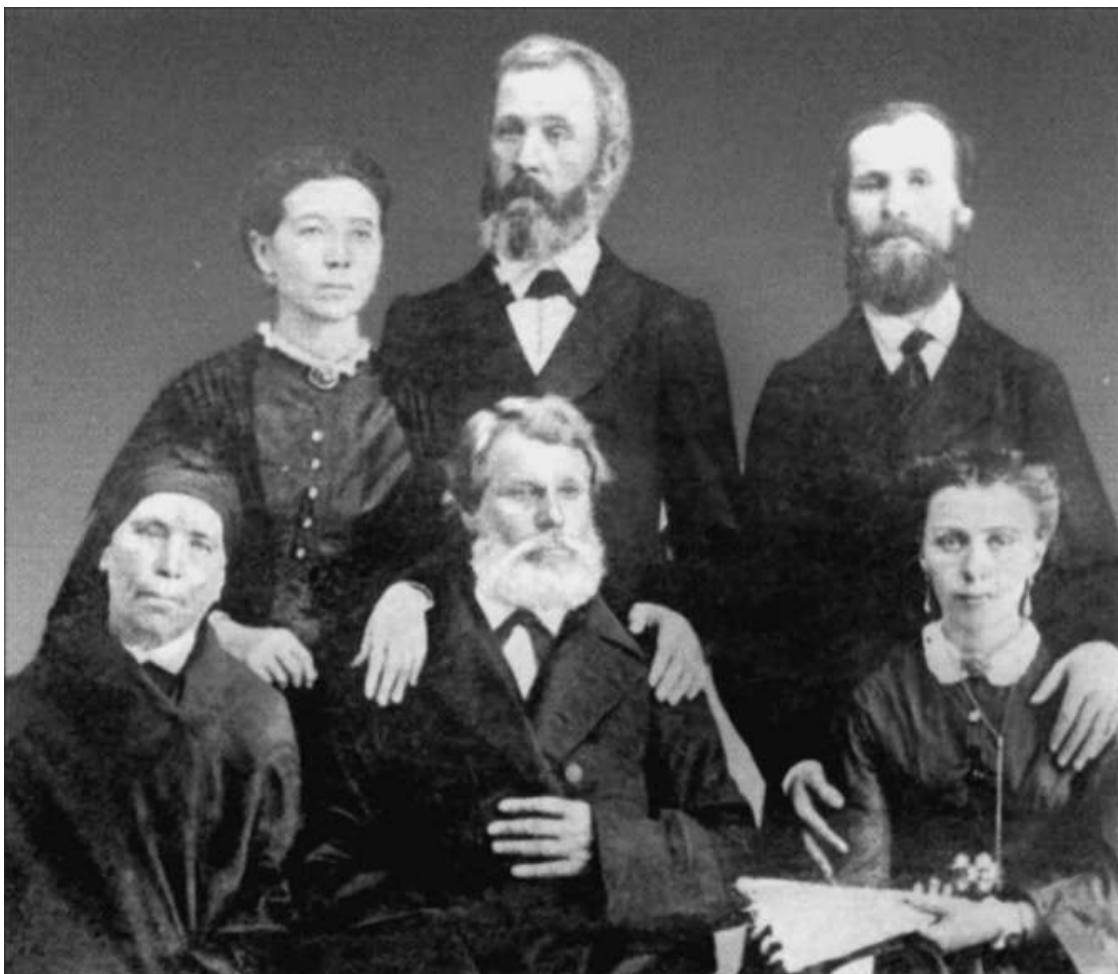
Он устроился на работу управляющего в имении помещика Платова на Донщине. Шли годы, и дети Егора Михайловича обзавелись семьями. Однако условия жизни у всех были разные. Особое внимание Егор Мих(айлович) оказывал сыну Павлу, в котором он заметил продолжение своих стремлений к свободе, к образованию. Он гордился тем, что все дети Павла обучаются в гимназии.

И огорчался тому, что его дочь Александра Егоровна проживает с многочисленной семьей в глухой деревне и не имеет такой возможности. Свою любимую дочь он часто навещал и во всем ей помогал. Он помог ей выдать замуж всех старших дочерей за серьезных порядочных людей. Местные жители относились к нему с огромным уважением, его стали приглашать на совещания в земскую управу в г. Богучар. На совещаниях Егор Михайлович давал советы земцам по разным вопросам, в частности о применении органического удобрения (навоза), что вызвало у всех большой интерес.

В 1878 году Егор Михайлович приехал к дочери и пригласил ее с внучкой Верой приехать к ним в имение к празднику Пасхи. Надо было повидаться с матерью, которая стала очень слаба и неутешно тосковала о дочери... Дочь с внучкой приехали в дом к Егору Михайловичу.

Внучка Вера вспоминала: «Открыв дверь, мы увидели старенькую, слабенькую женщину, сидевшую на постели с протянутыми к нам руками. Моя мама с рыданиями бросилась к ней, упала перед ней на колени и без конца целовала бабушкины руки. Я повторяла за мамой то же самое и громко плакала. Бабушка непрерывно плакала и повторяла: „Бог послал мне вас увидеть последний раз“. Дедушке, стоявшему в стороне, наверно, тяжело было смотреть на

эти переживания, и он вышел из помещения. Через некоторое время он возвратился, подошел ко мне и сказал: „Пойдем со мной, а они пускай побудут вместе“». Егор Михайлович повел девочку к пруду, в котором плавало очень много разных рыбок, очень восхитивших ее своей красотой. Потом они пошли к теплице, где дедушка показал ей выросшие к празднику огурцы и помидоры. Она очень была удивлена дедушкиному умению все это делать. Но ведь Егор Михайлович был вечным тружеником, и, как говорит русская пословица, «терпение и труд все перетрут». И здесь, в имении Платова, сумел он устроить свою жизнь красиво и достойно. А своей внучке он наказал: «Будешь много читать, будешь много знать».

Чеховы. Стоят (слева направо) – Евгения Яковлевна, Павел Егорович, Митрофан Егорович. Сидят – Ефросинья Емельяновна, Егор Михайлович, Людмила Павловна

Но в половине июля ее мама получила из Таганрога от брата Митрофана Егоровича письмо, в котором он сообщил, что, поболевав немного, умерла Ефросинья Емельяновна и что они, все братья, помогли дедушке похоронить ее и успокоить дедушку в эти скорбные дни...

Егор Михайлович решил ликвидировать свое хозяйство и переселиться к дочери Александре... Дедушка приехал в начале октября в сопровождении сына Митрофана Егоровича, которого попросил помочь ему, ибо ликвидация дел в имении задержала его...

Приближались рождественские праздники, и Егор Михайлович, несмотря на большие морозы, решил посетить все церковные службы. В его адрес были получены поздравительные праздничные послания от сыновей, знакомых и работников земской управы г. Богучара, что очень обрадовало его. Прошли морозные месяцы, приближалась весна, и Егор Михайлович стал тяготиться своим бездельем, начал вспоминать свою трудную жизнь с самых ранних лет.

Дочь Александра Егоровна и внук Василий успокаивали его, говоря: «Отдохнешь хорошо и снова начнешь трудиться».

Александра Егоровна очень переживала за состояние здоровья своего отца, но никакие увещания не имели силы, так как здоровье ухудшалось и душевное состояние становилось беспокойным. Он стал задумчив, меньше разговаривать, выходил подышать воздухом, быстро возвращался в дом и ложился отдыхать...

Предчувствуя близкую кончину, Егор Михайлович решил посетить родственников. Как сообщалось в письме, направленном отцу Антона Павловича Чехова его братом Митрофаном, «в воскресенье 11-го числа он был в Богучаре в гостях у Настеньки. Прощаясь с ними... он им пророчески сказал: теперь я всех детей и внуков проведаль и благословил, так как Исаак Якова, Яков Иосифа и братию его; этим я приготовил себя к погребению».

12 марта Егор Михайлович вернулся в Твердохлебовку и «почувствовал дурноту», к нему был приглашен священник для исповеди. «После окончания таинства священника он попытался пройти по комнате поддерживаемый с одной стороны Василием Георгиевичем с другой сестрой. На поворот обратно он преклонил колени, и более у нас не стало отца, благодетеля...» Случилось это «в 5 часов пополудни»...

Состоялись похороны 15 марта 1897 года. Вынос тела на крыльцо, во двор и при выносе за двор трижды сопровождался чтением св. Евангелия. «...На колокольне производился печальный протяжный звон. Шествие из церкви началось похоронным пением... на старинный напев», после этого остановились. Движение на кладбище шло медленно и сопровождалось пением и чтением Евангелия. Как сообщал в письме Митрофан Егорович, его отца, Егора Михайловича, похоронили на местном кладбище с почестями, каких не видели даже в городе. На могиле был поставлен «дубовый крест с резьбой имени и фамилии, кто здесь покоится».

Егор Михайлович был одарен от природы редким умом, кипучей энергией, напористостью в каждом начинании дела и достижении намеченной им цели. Страстное стремление тайно обучиться грамоте еще в подростковом возрасте при тяжелых условиях крепостничества и в дальнейшем тяготение к свету не могли не оказать влияние на его детей и через них на внуков, а в дальнейшем и на правнуков, что говорит о колоссальной силе воздействия этого человека – великана труда.

3. Дядя Митрофан

У Егора Михайловича Чехова было трое сыновей – Михаил, Павел, Митрофан и дочь Анна. Выкупив из крепостной неволи всю семью, он распорядился судьбой детей, как полагал, самым наилучшим образом. Дочь выдал замуж в Богучарове, а сыновей приставил к серьезным делам.

Старшего сына, Михаила, он послал в Калугу учиться переплетному делу. Егор Михайлович, самостоятельно выучившийся грамоте, относился к книгам с таким огромным уважением, что выбрал для старшего сына непосредственно с книгами связанное дело. Через четыре года после приезда в Калугу Михаил Егорович женился на калужанке и открыл собственную переплетную мастерскую, где работала вся его семья: жена и шестеро детей.

Второго сына, Павла, Егор Михайлович поселил в Таганроге, найдя ему место приказчика у богатого купца Кобылина, который в то время был здесь городским головой.

А младшего сына, Митрофана, он отправил в Ростов-на-Дону. Здесь, служа приказчиком у купца Байдалакова, тот познакомился и подружился с другим приказчиком Иваном Морозовым, сыном богатого купца, торговавшего сукнами по всей России. Оказался Иван в Ростове-на-Дону вследствие трагедии, случившейся в их семье. В одной из деловых поездок его отец внезапно умер, причем пропали и деньги его, и товар. Жена купца, захватив с собой троих детей, стала разыскивать его по всей России, но, так нигде не найдя, осела с детьми на юге. Сына Ивана отдала в приказчики в Ростов-на-Дону, где он встретился с Митрофаном Чеховым.

Через несколько лет друзья-приказчики оставили Ростов и поехали искать счастья в Таганрог. Здесь познакомил Митрофан брата Павла с другом Иваном, они подружались, а через некоторое время сестра Ивана Морозова, Евгения Яковлевна (или Евочка, как ее в семье называли), стала женой Павла Егоровича Чехова и впоследствии родила ему шестерых детей.

А Митрофан скромно занялся торговлей в Таганроге, открыл свою бакалейную лавку. Натура у него была романтическая и, увидев в каком-то журнале портрет невесты будущего императора Александра II, дочь гессен-дармштадтского герцога Максимилиану, он в нее влюбился! Казалось бы, совершенно безнадежная любовь! Однако вскоре Митрофан встретил свой воображаемый кумир на улицах Таганрога. У таганрогского чиновника Евтушевского была дочка Людмила, или Милечка, как звали ее друзья. Эта Милечка была поразительно похожа на Максимилиану, просто ее двойник! А настоящая принцесса Максимилиана к этому времени вышла замуж за наследника престола Александра Николаевича и стала Марией Александровной.

Митрофан Егорович сделал предложение двойнику своей возлюбленной, Милечке, но получил отказ. Тогда он бросил все дела и исчез из города, отправился путешествовать, просто так, пешком. Где-то в степях нагоняли его обозы и подвозили до ближайшего хутора. А потом он опять продолжал идти пешком, а ночи проводил под открытым небом. Так добрался до Москвы, а оттуда уже по железной дороге в Петербург. И всю дорогу писал он родным письма, очень красиво писал, образно, грамотно, как в их семье было принято. Такие же художественные письма сочинял когда-то детям и отец его Егор Михайлович.

В одном из писем Митрофан Егорович рассказал о том, как в Петербурге, в Царскосельском парке, встретил он Марию Александровну под руку с Александром II. Он опустился на колени, и царь спросил его, что ему нужно. И ответил Митрофан Егорович, что хотел только увидеть ту, на которую похожа его любимая девушка. Царь улыбнулся и похлопал его по плечу, а Мария Александровна, еще плохо зная по-русски, во-видимому, не поняла, о чем идет речь.

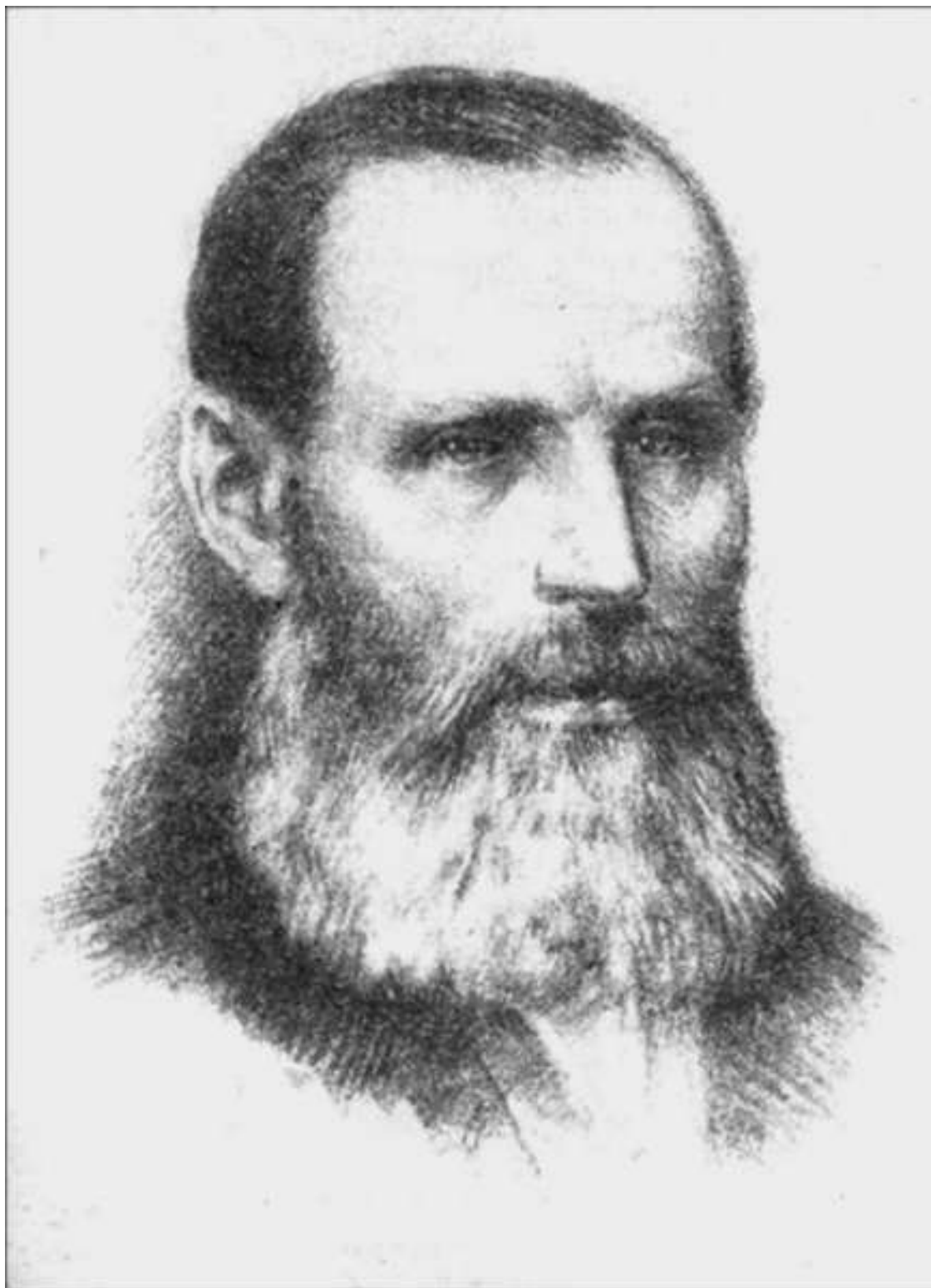
Неизвестно, было ли так на самом деле, или же что-то присочинил в этой удивительной истории Митрофан Егорович. Но главное, что когда вернулся он домой из далекого странствия, то Милечка согласилась стать его женой. В семье Митрофана Егоровича и Людмилы Павловны

родилось четверо детей: Георгий, Владимир, Александра и Елена. В воспитании детей Митрофан Егорович был удивительно мягок, добр и никогда не применял телесных наказаний. В то же время он недооценивал значение средней и высшей школы и дал своим детям лишь начальное образование. Этим он сильно осложнил их будущий жизненный путь. В этом отличие младшего, да и старшего братьев Чеховых – Михаила и Митрофана – от среднего – Павла Егоровича. Тот считал святой обязанностью дать своим детям самое лучшее образование – не только гимназическое, но даже и университетское.

В своей книге воспоминаний «Вокруг Чехова» младший брат Михаил так описывает дядю Митрофана Егоровича: «Одни считали нашего дядю Митрофана Егоровича чудачком, оригиналом и даже юродивым, другие относились к нему с уважением, а мой брат, писатель Антон Чехов, с нежной любовью. Человек этот посвятил свою жизнь общественным делам и, отдавшись им целиком, умер от истощения, ибо работал через меру. Правда, „общественные дела“ 50–60 лет назад были совсем не похожи на теперешние; то, что делал дядя Митрофан, было прежде всего благотворительством. Он был и гласным, и церковным старостой, и создателем Таганрогского благотворительного братства, имевшего целью помочь бедным. Его дом всегда был доступен для бедняков; в день его именин ворота этого дома раскрывались настежь; среди двора были накрыты столы, уставленные пирогами и разными яствами, и каждый имел право войти и усесться за еду.

Это был богомольный человек, устраивавший у себя на дому целые молебствия, но в то же время любивший бывать в театре и смеявшийся до слез на веселых комедиях и водевилях вроде „Маменькиного сынка“ и „Беды от нежного сердца“. Он ходил всегда изысканно одетым и в цилиндре, его дом внешне представлял собой полную чашу. Его деятельность начиналась с рассветом и кончалась поздно вечером, и только один воскресный день он проводил в полном покое, весь целиком уходя в чтение книг и газет и в разговоры с детьми. Он обожал своих детей, говорил с ними на „вы“ и ласкал их так, что нам, его племянникам, становилось завидно. Когда мы еще мальчиками затевали какое-нибудь представление, в котором будущий писатель Антон Чехов, тогда еще гимназист, принимал деятельное участие, то дядя Митрофан всегда был нашим гостем и ценителем.

Это был человек не без литературного дарования, и его письма, которые, уже взрослыми, мы получали от него, всегда по части слога и поэтических приемов были безукоризненны. В молодости он был большим романтиком, увлекался сочинениями А. Марлинского (Бестужева) и на всю жизнь усвоил его манеру выражаться. В нашей семье долго хранились его письма, переплетенные в целую книгу, которые он писал, еще будучи холостым, моим родителям, когда совершал путешествие по России, – и я твердо уверен, что литературное дарование дяди Митрофана в известной степени передалось от него и нам, и в особенности моим братьям Антону и Александру, которые сделали потом настоящими литераторами...»

Митрофан Егорович Чехов. Рисунок XIX в.

Митрофан Егорович отличался добродушным характером и ласково относился к детям, как к своим, так и брата. Дети Павла Егоровича были желанными гостями в его доме, не раз оставались ночевать в гостях у дяди. В детстве Антоша часто прибегал к Митрофану Егоровичу, и Людмила Павловна и нянька Иринушка всегда успокаивали и утешали его. Няня рассказывала детям фантастические сказки, и Антоша пересказывал их своим сверстникам более картинно и красочно. Все Чеховы питали к Митрофану Егоровичу большую привязанность и

относились к нему с уважением. «В их уютном, гостеприимном домике, – вспоминал Михаил Павлович, – мы, племянники, всегда находили родственный прием, позднее, поселившись на севере, при каждом нашем наезде в Таганрог мы любили останавливаться у дяди Митрофана».

4. Родители

На исходе жизни отец писателя Павел Егорович Чехов, всегда склонный к записям и дневникам, набросал вехи своей биографии:

«1825. Родился в с. Ольховатке Воронежской губ. Острогож. уезда...

1841. Отец откупил всё семейство на волю...

1842. Гирш отправил меня с быками в Москву для продажи.

1843. Выехали совсем из родины в Зайцовку к дедушке Шимке.

1844. Из Ольховатки переехал в Таганрог 20 июля к купцу Кобылину.

1845. Начал там заниматься торговлею по конторской части».

Среднего сына Павла Егор Михайлович устроил в подмастерья в купеческую лавку. Таким образом он надеялся, что его сыну удастся преодолеть еще одну ступень сословной лестницы – пробиться из мещан в купцы.

Павел Егорович был человеком одаренным многими талантами. С ранних лет у него проявились склонности к искусствам. Десятилетним мальчиком он учился пению по нотам у местного дьячка Остапа и вскоре стал петь в церкви на клиросе первым дискантом, а когда ему исполнилось 13 лет, обучился игре на скрипке у приехавшего и поселившегося в доме Чеховых регента-дьякона. Тогда же освоил азы рисования. Пятнадцатилетний Павел выучился Закону Божиему у священника Константина Устиновского, женатого на дочери ольховатского священника. Позднее его сын, Антон Павлович, говорил: «Талант у нас со стороны отца, а душа – от матери».

В Таганроге дед Егор Михайлович когда-то приобрел маленький участок земли с небольшим домиком на углу Елизаветинской улицы и Донского переулка. Этот участок с домом он подарил сыновьям Павлу и Митрофану. Павел Егорович Чехов работал в магазине-лавке колониальных товаров таганрогского купца Ивана Евстратьевича Кобылина, который был членом таганрогского отделения Коммерческого совета и приказа общественного призрения. В его магазине Павел Егорович прошел все ступени торговой иерархии: «мальчика» (несмотря на то что при поступлении в магазин ему было почти 19 лет), приказчика, конторщика. Возможно, купец не сразу определился, чем он будет заниматься, – какое-то время он работал с прасолами – гонял скот в Харьков и Москву. Это был изнурительный тяжелый труд с ночевками под открытым небом, в голой степи. Особенно тяжело приходилось в непогоду. На руке Павел Егорович носил перстень, на печати которого была выгравирована надпись «Одинокому везде пустыня». Прочел эту надпись его отец, встревожился и решил, что сына надо поскорее женить.

29 октября 1854 года, в то самое время, когда начиналась Крымская война, Павел Егорович женился на сестре своего приятеля Ивана Морозова Евгении (Евочке). Предки Евгении Яковлевны Морозовой также были крепостными, однако ее дед Герасим Никитич Морозов еще в 1817 году выкупил себя и свою семью из неволи. Известно, что родственники Чехова по материнской линии занимались иконописью. Это было дело прибыльное, очевидно, потому и смогли они выкупиться из крепостной зависимости. В 1901 году, получив в подарок от археолога академика Н. П. Кондакова его книгу «Современное положение русской народной иконописи», Чехов благодарил автора: «Я прочел ее с большим интересом и с большим удовольствием. Дело, между прочим, в том, что моя мать, уроженка Шуйского уезда, 50 лет назад бывала в Палехе и Сергееве... у своих родственников – иконописцев, тогда они жили очень богато... в двухэтажном доме с мезонином, громадном доме... По сохранившимся у нее впечатлениям, тогда была хорошая, богатая жизнь; при ней получались заказы из Москвы и Петербурга для больших церквей».

Поначалу Павел Егорович с женой жили в маленьком дедовском домике. В нем было всего три комнатки – спальня родителей, детская и столовая. Кухня была холодная, с глинобитным полом. Здесь и рождались их дети, которых стало шестеро.

Брак оказался основательным и, как считалось по тем временам, счастливым. Но, конечно, легким не был – из-за характера мужа: резкого, властного, горячего. Но весь склад семейной жизни был тогда таков, особенно в купеческо-мещанской среде: муж владыка неограниченный, «домострой» в полной силе. Евгения Яковлевна была тише, мягче и сердечнее мужа. Образования небольшого, высокорелигиозная и безответная, но много читавшая. Несмотря на это, особой грамотностью не отличалась, что хорошо видно по ее письмам. Муж любил ее, но и терпеть от него приходилось немало. Ее образ кроткою тенью прошел через всю жизнь Антона Павловича.

Прослужив у Кобылина 13 лет, по-видимому обусловленных заранее, Павел Егорович сумел скопить около 3 тысяч рублей и с помощью своего хозяина открыл собственное торговое дело. Он арендовал двухэтажный дом, в котором открыл лавку бакалейных и колониальных товаров. На фронтоне, над входом в лавку, на большой черной вывеске были выведены сусальным золотом слова: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Немного ниже помещалась другая: «На выносъ и распивочно». Эта последняя обозначала существование погреба с сантуринскими винами и с неизбежной водкой. Семья жила на втором этаже, а на первом шла торговля, располагался «клуб пьяниц» (водка в разлив) и жили постояльцы в боковых комнатах.

Павел Егорович Чехов. Фото конца XIX в.

В связи с основанием торгового дела Павел Егорович смог перевестись из мещанского сословия в купеческое. В сохранившемся документе касательно этого перевода сказано: «Основываясь на свидетельстве Ростовского мещанского общества, что общество мещан согласно уволить из своего сословия его, Чехова, для причисления в купеческое звание, так как на нём

недоимок по податям и повинностям не числится и купеческом 3-й гильдии свидетельстве, выданном ему 31 декабря 1857 года Таганрогским магистром, об уплате им в оный подлежащих с объявленного по г. Таганрогу купеческого 3-й гильдии капитала в гильдейскую повинность денег, а равно усматривая, что он, Чехов, у исповеди и св. причастия ежегодно бывает и к вредным ересям не принадлежит, то по сему казённая палата полагает: исключить с начала сего 1858 г. из числа Ростовских мещан Павла Егоровича Чехова и причислить с того же времени в Таганрогские 3-й гильдии купцы с капиталом 2400 руб. серебр.».

К этому времени у него уже был сын Александр, родившийся в 1855 году. В 1858 году на свет появился Николай. 17 января 1860 года родился Антон. Потом шли младшие – Иван, 1861 года рождения, Мария, 1863 года, Михаил, 1865 года. Была еще дочь Евгения, родившаяся в 1869 году, но она прожила всего два года.

Вначале торговля шла хорошо, что дало возможность Павлу Егоровичу уже в 1859 году получить свидетельство купца 2-й гильдии. Однако к торговле как таковой он не испытывал особого влечения. Свои гильдии он выплачивал лишь по настоянию жены, так как в будущем это могло дать сыновьям освобождение от продолжительной военной службы. Все его подлинные интересы сосредотачивались на церковных службах, искусствах и общественных делах. Он долгое время служил по городским выборам, не пропускал ни одного чествования, ни одного публичного обеда, на которые собирались все местные деятели, любил пофилософствовать. Чрезвычайно важным делом для него стало воспитание детей и их образование.

Евгения Яковлевна Чехова. 1881 г.

Страстный любитель духовного пения, Павел Егорович пел и дирижировал хорами в церквях. Мало того, он организовал у себя в доме хор, наподобие церковного, в котором пели местные кузнецы и все его домашние. Настолько хорошо они спелись, что их стали приглашать в местные церкви на богослужения и литургии, чем Павел Егорович очень гордился. Павел Егорович прекрасно играл на скрипке и не только по слуху, но и по нотам. В свободное время рисовал, и тоже успешно. Его картину «Иоанн Богослов», выполненную тушью, тонким пером, высоко оценил Антон Павлович – она постоянно висела на стене в его кабинете. Юрий Александрович Бычков, посвятивший творчеству и жизни Антона Павловича не одну книгу, настаивает, что мы должны отдать должное предкам Антона Павловича, и в особенности отцу – Павлу

Егоровичу – человеку очень незаурядному и наделённому многочисленными талантами. Он был строг, но справедлив и, заботясь о будущем своих детей, стремился дать им самое лучшее образование!

В родительском доме царили строгость и порядок, дети всегда были заняты, выполняя распределённые родителями обязанности. Ежедневно в пять часов утра братья пели в церковном хоре, а после школы помогали отцу в бакалейной лавке. Все дети должны были изучать ремесло: Антон, например, познавал профессию портного.

Старший брат Антона, Александр Чехов, писал об их детстве: «Тяжеленько приходилось... Немало было пролито нами слез на спевках и много детского здорового сна отняли у нас эти ночные, поздние спевки. Павел Егорович во всем, что касалось церковных служб, был аккуратен, строг и требователен. Если приходилось в большой праздник петь утреню, он будил детей в 2 и 3 часа ночи и, невзирая ни на какую погоду, вел их в церковь...»

В отцовской бакалейной лавке торговля шла с утра до позднего вечера. Торговал отец, торговали наемные мальчишки, но и сами сыновья Чеховы. Когда отцу надо уходить вечером по делу или в церковь ко всенощной, за кассу сажали Антона или Александра. Антону надо учить латинские предлоги, а он в холоду сидел в лавке, получал деньги, сдавал сдачу за фунт селедок или четверку табаку, мерз, иной раз чуть не плакал от тоски и страха за невыученный урок, но сидел и считал. Да надо еще следить за мальчишками, Андрюшкой и Гаврилкой, чтобы не очень воровали и не обвешивали. Когда они обвешивали, то объясняли так: «Иначе и Павлу Егорычу пользы не будет». Тащили по мелочам и себе – мыло, помаду, конфетки.

Когда Павел Егорыч замечал, то драл их за это без стеснения. За какие-то провинности сек отец и своих детей, и это осталось на всю жизнь. Отец наказывал, а мать не заступалась. Да и как заступиться? Павел Егорыч сам был воспитан сурово, секли в свое время и его, как и его отца, и он считал, что так и нужно. Полагал, что труд, порядок, подчинение необходимы, и действовал прямолинейно, убежденно. Сила его была именно в убежденности. Как твердо верил он в Бога, так же твердо и в то, что с детьми нельзя быть мягким.

Нередко с оттенком осуждения пишут биографы А. П. Чехова о суровости его отца, о его деспотизме, замкнутости, фанатичной религиозности, строгости к детям. Они описывают отца Чехова как семейного тирана. И как доказательство этому приводят тот факт, что за провинности он наказывал детей розгами.

Но уважаемые биографы забывают о том, что это был в те времена общепринятый метод воспитания детей. И не только в России, но и во всем мире. И не только в крестьянских и мещанских, но и в дворянских семьях. Например, мать великого русского писателя Ивана Тургенева Варвара Лутовинова, богатейшая помещица и дворянка, жестоко порола своих детей. Причем делала это собственноручно и часто без всякой видимой причины. Когда бедный Ваня Тургенев плакал и кричал «За что?», то жестокосердная мамаша отвечала лишь: «Сам должен знать за что!» А он не знал и не понимал, за что его опять мучают. И даже как-то решился бежать из дома. Он своей матери страшно боялся, однако не осуждал и очень уважал! Или вспомните «Детство» Максима Горького. Даже Василия Жуковского в детстве секли, правда не мать, а домашний учитель-немец. Он орал на маленького Василия и хлестал его плеткой за то, что не видел успехов в изучении немецкого языка. Даже в гимназиях в то время секли в воспитательных целях. Как-то был высечен и Глеб Успенский – за потерю номерка от раздевалки. Даже не стоит перечислять известных имен всех пострадавших, так как физические наказания детей с целью их воспитания применялись широко и повсеместно в XVIII–XIX веках как в России, так и в Европе.

То же мнение высказывала о Павле Егоровиче его сноха, жена сына Ивана: «Уже давно дискутировался вопрос, был ли Павел Егорович жесток и действительно ли он испортил детство своим детям, и, в частности, Антону Павловичу. Мне кажется, что стоит лишь посмотреть на портреты Павла Егоровича, чтобы убедиться, что человек с такими добрыми, глубокими

глазами не мог быть жестоким. Конечно, нельзя совсем сбросить со счетов, что Павел Егорович сек своих детей. Как же понимать это с добротой, смотрящей из глаз Павла Егоровича? Думаю, ответ здесь один: это было духом времени. Павел Егорович был сыном своей эпохи, к тому же вышедшим из крестьянской среды. Он был убежден, что в вопросах воспитания детей розги занимают, безусловно, необходимое место. Для него было аксиомой, что если сынишку не высесть за проступок, то из него „человека не будет“».

У Павла Егоровича в лавке было все. Здесь продавались масло деревянное и конопляное, крахмал, фисташки, рыба простая (тарань, вяленая) и красная, балыки, сардины, оливки, орехи грецкие, кедровые, чернильные и мускатные, «сарачинское пшено» (рис), горох. Мешки с мукой стояли рядом с сельдяными бочонками, с цыбиками чаю мирно соседствовали мыло и нашатырь, вакса располагалась рядом с помадой, рахат-лукум – с табаком анатолийским, бессарабским тертым, крошеным и в листьях, камфора и касторка – с кофе арабийским в зернах. Тут можно было купить сургуч, ружейную отвертку, александрийский лист, пуговицы, сандал, фитиль, ремень, пучки свиной щетины для дратвы, квасцы, марену, «семибратную кровь» (нерастворимый коралл), трут, имбирь и много чего еще.

Лавка Павла Чехова в Таганроге. Современный вид

Иногда в лавку заходил представитель санитарной комиссии и, получив свои два двугривенных, уходил, оставив печатные «Санитарные правила». Согласно таковым разрешалось продавать исключительно: «Муку картофельную чистую, ни с чем не смешанную, не затхлую и без хрусту; крупу овсяную, ячную, смоленскую – сухую, чистую, без мучнистых частей, без сору; рис персидский свежий, просвечивающий, мучнистый и без песку; горох крупный, белый, сухой, пополам не разбитый; масло коровье не горькое, чтоб не пахло салом; масло подсолнечное, кунжутное, конопляное, маковое и ореховое хорошо отстоянное, не прогорклое, без поддонки».

Антон видел в лавке множество разных лиц и ситуаций. Проходил перед ним целый ряд фигур, лиц, разговоров. Покупали в лавке и чиновники, и служащие, и крестьяне, бабы и монахи, греки таганрогские и заезжие чумаки. Мальчик же от природы был очень наблюдателен, склонен к насмешке, изображению в лицах, с дарованием театральным. Много впитал в себя со стороны комической. Но и драматической: с ранних лет зрелище неправды, грубости и насилия ранило – так прошло и через всю жизнь. Скорее всего, из таганрогской лавки родом и прославленный – Ванька, изнывающий у сапожника подмастерьем, который свою печаль изливает в письме: «На деревню дедушке Константину Макарычу!»

Летом, когда не было занятий в гимназии, подрастающее племя Чеховых жило вольготней, слоняясь по побережью с рыбаками, иногда отправляясь к дедушке Егору Михайлычу за шестьдесят верст в имение Платова. Ездили не по-барски, а на подводе, часть пути шли пешком, дурачились, забавлялись – в этих поездках открывалась, однако, для Чехова за шуточками и остроумиями степь, окружение родного Таганрога. Он о ней рассказал позже по-настоящему в волшебной повести «Степь». Она и выпустила его в большую литературу.

Товарищ Чехова Петр Сергеенко вспоминал: «Самые, однако, яркие и благоуханные впечатления юности Чехова связаны не с Таганрогом, а с деревней Княжей, где он проводил летние месяцы у своего деда, управляющего имением графини Платовой. Сами по себе поездки из города в деревню (около 60 вёрст), то на лошадях, то на волах, в течение нескольких дней, с ночлегами под бархатным небом Украины, на душистых коврах свежего сена, – уже одни такие поездки – без старших и без тягостной опеки – должны были вносить в свободолобивую душу высокоодарённого мальчика целые гаммы новых впечатлений».

А поездках этих кроме красоты природы приоткроеется для него очарование нежной женственности. На армянском постоялом дворе, где-то под Ростовом-на-Дону, увидел он юную девушку – она появилась, поразила своей красотой и исчезла. Было это только как молния, однако запомнилось надолго, об этом он позднее написал в рассказе «Красавицы».

В 1874 году Павел Егорович решил построить для своей большой семьи собственный дом на Конторской улице. Для его строительства пришлось взять кредит в 500 рублей. Постройка дома привела к разорению. Подвёл его подрядчик Миронов, всадивший в постройку много кирпича. Торговля, в которой преуспевали в Таганроге греческие купцы, у отца Чехова шла плохо. Чтобы иметь возможность выплачивать кредит, часть нового дома сдали внаем чиновнику суда Селиванову.

В Таганрог провели железную дорогу. На окраине города появился вокзал. Дела лавки Чехова пошли хуже – возчиков и чумаков стало теперь меньше. Павел Егорыч решил, что у вокзала, где уже появились кабаки, надо открыть вторую лавку. Приедет человек, выйдет из вокзала, зайдет в кабак, а тут рядом и лавка, глядишь, что-нибудь да купит.

Все так и сделал. И посадил торговать Александра и Антона – благо лето, в гимназии они не заняты. Получилось только хуже. И для юношей, у которых пропал летний отдых, и для Павла Егорыча: новая лавка не пошла вовсе, выручки никакой, к осени оказался чистый убыток. Прежняя лавка хирела тоже, Павел Егорыч запутался с купеческими делами.

5. Детство и отрочество

Младший брат Антона Павловича, Михаил, вспоминал об их детстве в книге «Вокруг Чехова»:

«Семья нашего отца была обычной патриархальной семьей, каких было много полвека тому назад в провинции, но семьей, стремившейся к просвещению и сознававшей значение духовной культуры. Главным образом по настоянию жены, Павел Егорович хотел дать детям самое широкое образование, но, как человек своего века, не решался, на чем именно остановиться: сливки общества в тогдашнем Таганроге составляли богатые греки, которые сорили деньгами и корчили из себя аристократов, – и у отца составилось твердое убеждение, что детей надо пустить именно по греческой линии и дать им возможность закончить образование даже в Афинском университете. В Таганроге была греческая школа с легендарным преподаванием, и, по наущению местных греков, отец отдал туда учиться трех своих старших сыновей – Александра, Николая и Антона; но преподавание в этой школе даже для нашего отца, слепо верившего грекам, оказалось настолько анекдотическим, что пришлось взять оттуда детей и перевести их в местную классическую гимназию».

Жизнь детей в семье была строго расписана. День начинался и заканчивался трудом. Все в доме вставали рано. Мальчики шли в гимназию, возвращались домой, учили уроки, как только выпадал свободный час, каждый из них занимался тем, к чему имел способность: старший, Александр, устраивал электрические батареи, Николай рисовал, Иван переплетал книги, а будущий писатель сочинял. Антон вообще был из всех самым талантливым на выдумки, но и менее всех склонным к ручному труду. Среди братьев он был белоручка. Он устраивал лекции и сцены, кого-нибудь представлял или кому-нибудь подражал, но не стремился к физическому труду, как другие братья, – ни к переплетному делу, ни к разборке и сборке часов, ни к чему подобному...

Вечером, когда отец приходил из лавки, то начиналось пение хором: отец любил петь по нотам и приучал к этому и детей. Кроме того, вместе с сыном Николаем он разыгрывал дуэты на скрипке, причем маленькая сестра Маша аккомпанировала на фортепьяно. Мать, вечно занятая, суетилась в это время по хозяйству или обшивала на швейной машинке детей. Всегда заботливая, любвеобильная, она, несмотря на свои тогда еще сравнительно молодые годы, отказывала себе во многом и всю свою жизнь посвящала детям. Она очень любила театр, но бывала там не часто и когда наконец вырывалась туда, то с нею вместе, для безопасности возвращения, отправлялись и сыновья-гимназисты...

Антон Чехов в 1874 г.

Антон в детстве был веселым, непоседливым и любил дразнить и вышучивать других. Он постоянно насмешничал над братом Николаем, который немного косил с самого раннего дет-

ства и ходил, прищуриваясь на один глаз и склонив голову на плечо. Антон то и дело высмеивал его: «Косой, дай покурить! Мордокривенко, у тебя есть табак?»

Старшие братья еще застали благополучное время в жизни семьи и получили то образование, к которому тяготело просвещенное купечество с середины XIX века. Для изучения французского языка нанял Павел Егорович француза, который ходил на дом, позднее его сменила мадам Шопэ. В результате Александр и Николай через несколько лет свободно болтали по-французски. Для Николая был приглашен учитель музыки Рокко, учивший его играть на скрипке. Этот Рокко позднее стал капельмейстером в городском саду и на афишах стал подписываться более красочно – «Руокко».

Некоторые биографы утверждали, что Николай был самоучкой. Это, как видим, не соответствует истине: какое-то время он занимался музыкой с профессионалом, что позволило ему позже даже играть в квартете в Сокольниках. Когда подрос Антон, в семье начались серьезные денежные трудности, и уроков французского или музыки на его долю уже не досталось. Он получил обычное гимназическое образование.

Отец был большим формалистом во всем, что касалось церковных служб, а потому мальчики не должны были пропускать ни одной всенощной в субботу и ни одной обедни в воскресенье. Отсюда у Антона Чехова такое глубокое знание церковных служб, что видно из его произведений («Святою ночью» и другие).

Павел Егорович настаивал на том, чтобы все его дети получили среднее гимназическое образование и после этого окончили университет. И ему это удалось, все его дети окончили гимназию, а пятеро и университет. И выросли талантливыми, высокообразованными людьми. Это было очень необычно по тем временам и стало его несомненной и высокой заслугой. Если для деда было очень важно освободить своих детей от крепостной неволи и научить их грамоте, то для отца первостепенной задачей стало дать своим детям самое лучшее среднее и высшее образование. И он в этом преуспел! Самый старший Александр окончил гимназию с серебряной медалью, Антон же дважды оставался на второй год.

В 1873 году, когда при Таганрогском уездном училище открываются бесплатные ремесленные классы, отец семейства Павел Егорович отдает туда на обучение (параллельно с учебой в гимназии) Ивана, Николая и Антона. От их имени пишется прошение: «Желая обучаться в ремесленном классе при Таганрогском уездном училище по ремеслам, из нас: Иван – переплетному и Николай и Антон – сапожно-портняжному, имеем честь просить покорнейше ваше высокородие сделать распоряжение о допущении нас к изучению вышеозначенных ремесел».

В «Ведомости» училища сохранились записи об обучении Антона и Николая – за февраль было ими сделано «на один рубль восемьдесят копеек – изготовлены каблучки и носки, а также две пары туфель». Затем шит «жакет вольный» и Николаю брюки.

О гимназических годах Антона Павловича вспоминает его однокашник М. Д. Кукушкин: «Учился Чехов неважно и из 23 учеников выпускного класса занимал одиннадцатое место. За сочинения по русскому языку дальше тройки не шел, но всегда отличался в латыни и Законе Божиим, получая за них пятерки. Знал массу славянских текстов и в товарищеских беседах увлекал нас рассказами, пересыпанными славянскими изречениями, из которых многие я впоследствии встречал в некоторых из его первых литературных произведений. Несмотря на свои средние успехи, Антон Павлович пользовался особым вниманием нашего учителя русского языка Мальцева и директора гимназии, общего любимца Рейтлингера. Товарищи, все без исключения, любили Чехова, хотя ни с кем он особенно не сблизился. Он производил впечатление человека, ушедшего в себя. О домашней жизни Чехова мы почти ничего не знали. Все почему-то считали его принадлежащим к духовному званию. Это, вероятно, благодаря его слабости к славянским текстам, которые он часто декламировал в гимназии, и знанию многих изречений из Священной истории».

Одноклассники прозвали Чехова «Головастиком» и «Бомбой». Это за большую голову, почти не соответствовавшую его небольшому росту. Звали, наконец, Чехонью (местная рыба), вышучивая фамилию. Любимым занятием мальчика Чехова была ловля птиц – щеглов, чижей и т. п. Притаившись за рогожною «принадую» на большом пустыре за двором, Чехов с товарищами по гимназии с затаенным дыханием следил за птицами с волосяным силком, который надо было осторожно навести на голову птицы. Пойманных птиц или выменивали на таких же пернатых, или же продавали товарищам по 5—10 копеек за экземпляр.

Некоторую замкнутость характера юного Чехова отмечал другой товарищ его по гимназии, писатель В. Г. Тан. «Я, – писал он в своих очерках „На родине Чехова“, – вырос в Таганроге и учился в таганрогской гимназии почти одновременно с Антоном Павловичем. Он был старше меня одним классом, но я и теперь помню его гимназистом... Он выглядел букой и все ходил по коридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверью и дразнили его „чехонью“. Мы встретились потом в 1899 году в Петербурге и вместе вспоминали Таганрог и нашего инспектора гимназии А. Ф. Дьяконова, по прозвищу „Сороконожка“ и „Серое Пальто“, который отчасти послужил прообразом „Человека в футляре“».

В 13 лет Чехов впервые побывал в театре, где шла оперетта французского композитора Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена». Именно тогда Чехов полюбил сцену и литературу: «Театр мне давал когда-то много хорошего... Прежде для меня не было большего наслаждения, как сидеть в театре...»

Раз за разом повторяется биографами версия о «несчастных» детях, которые по приказу отца вставали рано, в 5 часов утра, пели в церковном хоре не только в церкви, но и дома, учились в гимназии, но и помогали отцу в лавке! Все это приводят хулители Павла Егоровича как доказательство, насколько безрадостным было детство писателя Антона Чехова. Но, изучая биографию поэта Жуковского, столкнулась я с тем, что в благородном дворянском пансионе подростков поднимали каждое утро в 5 часов. То есть наши великие литераторы – и Жуковский, и Грибоедов, и Лермонтов, учившиеся в этом пансионе, – вставали очень рано, и эта привычка осталась у них на всю жизнь! И возможно, способствовала становлению их как великих поэтов и писателей!

Когда читаешь такие поверхностные суждения об отце А. П. Чехова, то невольно хочется задать вопрос: а что лучше было бы, чтобы дети вставали поздно, не учились, не помогали отцу и матери и выросли необразованными ленивыми созданиями? Обломовыми? Разве все эти строгие домашние правила, которые ввел отец, не были на пользу детям, которые все получили прекрасное образование, привычку к труду и в будущем стали писателями, художниками или же достигли высот в общественной деятельности? Надо сказать и то, что, по-видимому, строгость эта была не такой уж и суровой, ведь, согласно собственному признанию, тайны любви постиг Антон Павлович, будучи всего 13 лет в одном из таганрогских заведений.

Антон Павлович писал о своих родителях: «Им я обязан всем». И в то же время некоторые биографы ссылаются на его слова «В детстве у меня не было детства». И вот в массовом сознании сложилось представление об отце великого писателя как о самодуре и мучителе своих детей. Причина этого кроется в розыгрышах, составлявших соль внутрисемейных отношений, в иронии, насмешливости, свойственных старшим братьям Чеховым. В письмах Антона и его брата Александра, наполненных шутками, встречаются иронические высказывания в адрес отца. Вот их-то подхватили некорректные комментаторы, размножили и утвердили в общественном сознании. Что чрезвычайно несправедливо по отношению к Павлу Егоровичу.

Всем этим толкам следует противопоставить лишь одно и самое главное: крепостной крестьянин, позже ростовский мещанин и таганрогский лавочник стремился и достиг высокой степени внутренней культуры. И всю жизнь посвятил тому, чтобы дать шестерым детям наилучшее образование! Преодолевая материальные затруднения и прямую нужду, он последовательно шёл к намеченной цели, вкладывая в её осуществление все свои, иногда последние,

средства. То обстоятельство, что сын Иван из-за невыносимой бедности не смог получить университетское образование, легло тяжёлым камнем на душу Павла Егоровича.

Как при этом можно забыть то, что родные братья Павла Егоровича при равном с ним материальном положении не поднялись до такого же уровня, какой себе задал он, определяя в гимназию последовательно всех шестерых детей?! Их дети получили лишь начальное образование.

Если бы Антон Павлович, подобно своим двоюродным братьям Михайловичам, был отдан отцом в мальчики к какому-нибудь купцу, вместо того чтобы получать образование в гимназии, то Россия и мир, по всей вероятности, не получили бы писателя Чехова.

Павел Егорович страстно любил газеты, выписывал их множество, начиная с «Северной пчелы» и кончая «Сыном Отечества». Газеты он читал всегда вслух и от первой страницы до последней, любил поговорить о политике и о действиях местного градоначальника. Отец всегда был чисто одет, он не допускал ни малейшего пятнышка на своей одежде. И те же благородные привычки воспитал он в своих детях.

По воспоминаниям младшего брата Михаила Павловича, заменяя отца в лавке, братья Чеховы не лишены были таких удовольствий, какие и не снились многим их сверстникам, городским мальчикам. Они на целые дни уходили на море ловить бычков, играли в лапту, ездили в деревню к дедушке, гуляли в городском саду, устраивали домашние спектакли. Несмотря на сравнительную строгость семейного распорядка – и в исключительных случаях даже на телесное наказание, обычные в то время почти в каждой провинциальной семье, – все мальчики Чеховы, вне сферы своих прямых обязанностей, пользовались большой свободой. К исполнению же обязанностей они были очень чутки, и о неповиновении воле отца или матери в семье не могло быть даже речи.

День за днем шли по-прежнему, но на горизонте у семьи Чеховых стояли тяжелые времена. Личная честность и порядочность Павла Егоровича были незыблемы и иногда обращались против него в торговом деле. Девиз «Не обманешь – не продашь» для него не существовал. Он откровенно ставил в известность своих покупателей о качестве продаваемых товаров и приносил этим себе ущерб, когда товары почему-либо были непервосортными и когда об этом другой умолчал бы. И все это привело к катастрофе.

В 1875 году старшие братья Александр и Николай уехали в Москву учиться. Александр – в университет, а Николай, который тяготел к художеству, в училище живописи. Торговля у Павла Егоровича шла убыточно, и векселя за строительство дома он оплачивать был не в состоянии. Добил его жилец Селиванов, квартировавший у Чеховых. Когда Евгения Яковлевна просила у состоятельного съемщика денег в долг, то он отказал, но тайно оплатил хозяйский вексель на 500 рублей, и владение домом задешево перешло в его руки. Однако Павел Егорович судиться с жильцом не стал и, чтобы не угодить в долговую яму, вынужден был в апреле 1876 года бежать в Москву, где жили и учились его старшие сыновья. Матери ничего более не оставалось, как вслед за мужем вскоре покинуть Таганрог. Она захватила с собой младших детей – Машу и Мишу – и, горько заливаясь слезами, отправилась с ними в Москву...

6. Самостоятельная жизнь

В 1876 год, когда разорившаяся семья Чеховых переехала в Москву, Антоша и Ваня были оставлены в Таганроге завершать обучение в гимназии. Антоша жил в своем бывшем доме, чтобы оберегать его, пока не войдет в него новый хозяин, а Ваню приютила у себя тетя Марфа Ивановна. Впрочем, Ваню тоже вскоре выписали в Москву, и Антон остался в Таганроге совершенно один. Ему нужно было окончить курс, он был в седьмом классе гимназии.

На долю 16-летнего Антона выпала неожиданная и нелегкая самостоятельность. Он остался в Таганроге один, без денег, в чужом доме. Хуже всего было то, что дом этот только недавно стал чужим. Чеховский биограф А. И. Роскин описал влияние возникшей ситуации на душу юного Чехова, которому пришлось «слишком хорошо понять, что такое безмерные унижения и человеческая низость. Тайное припрятывание остатков товаров в конюшне, возня соседей и родственников вокруг разоренного дела, стремление их поскорее выхватить из рук Павла Егоровича все, что можно выхватить, отец, бегущий от долговой тюрьмы, переговоры с ростовщиками, предательство человека, называвшего себя „членом семьи“, бессилие матери, необходимость начинать новую жизнь, одинокую и суровую, – все это навсегда запало в душу Чехова».

Антон теперь жил у бывшего квартиранта своих родителей и зарабатывал на жизнь репетиторством. Кроме того, он распродал по мелочи имущество, домашнюю утварь и отсылал эти деньги в Москву. Оставшись в городе один, благодаря тогдашней таганрогской дешевизне и житию «на хлебах», то есть получая от новых хозяев жилье и стол, он не голодал. Однако со всем остальным было туго – приходилось ходить давать уроки в другой конец города в рваных сапогах. Из гимназического мундирчика он давно вырос, полы не сходились, рукава были коротки. Он не мог внести постоянный залог в два рубля в городскую библиотеку, вынужден был забирать его весной и снова вносить осенью, получив деньги за урок.

Уехавшие в Москву члены семьи еще больше бедствовали. Доходы были незначительные, и на жизнь их не хватало. Павел Егорович долго не мог устроиться на службу. Жили они на Драчевке, все шестеро в одной комнате под лестницей. Возможно, что это вспомнил Чехов, описывая в рассказе 1886 года «На мельнице» горькую бедность: «Все мы шестером в одной комнате спим».

Старшим братьям из-за тесноты приходилось спать в чулане. «Мы здесь не знаем ни говядины, ни картошки, ни рыбы, – писал Павел Егорович сыну в Таганрог. – У нас пища одна – все суп да суп с грибами». Сохранившиеся письма рисуют, в какие мелочные, копеечные расчеты была погружена вся раскиданная судьбой семья. Старший брат Александр писал Антону в письме от 4 октября 1875 года: «Во-первых, само получение денег уже стоит мне большой потери времени и гривенника, затем, купивши инструменты, надо заплатить извозчику за перевозку домой ко мне – 30 коп. Да упаковка что будет стоить – черт его ведает... Надо обтягивать холстом, это тоже деньги, да еще большие деньги стоит, а далее перевозка на вокзал опять 30 коп. и за провоз черт знает сколько».

В семье, перебравшейся в Москву, царила отчаянная бедность. «Ждали от тебя, – упрекала 16-летнего Антона мать, – не пришлешь ли денег, очень было горько... у Маши шубы нет, у меня теплых башмаков, сидим дома...» «Мамаша ждала от тебя 20 рублей, – писал отец. – Как услышала, что прислано 12 рублей, залилась горькими слезами...»

Николай, учившийся в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества, ходил без пальто, по снегу в рваных сапогах на босу ногу. Александр дал ему свои чулки, и он «их так износил, что остались одни голенища чулочные». В комнате было холодно, и Николай со своим другом Ф. О. Шехтелем, будущим известным архитектором (строителем здания МХТ и Ярославского вокзала), выходили на добычу – таскали с проезжающих по Драчевке подвод дрова.

«Начал писать тебе сию грамоту, – пишет Александр. – Когда пошлю ее – неизвестно, ибо марки нет... Хотел было послать... телеграмму, но рубля не оказалось...»

Антон жил в Таганроге тоже бедно, зато была полная свобода, не ограниченная ежедневно и ежечасно властной рукою отца. А наивный Павел Егорович все беспокоился, не пойдет ли эта свобода сыну во вред. «Мы боимся за тебя, – писал он Антону 12 января 1878 года, – как бы ты в отсутствии нашем не испортил своей нравственности, за тобою некому следить, как ты живешь, и своя воля может молодого человека спортить».

Антон жил теперь самостоятельно и все время должен был отстаивать свое достоинство и независимость. Держался он ровно, вежливо и сумел своей основательностью и порядочностью внушить у окружающих к себе уважение. Над разорением и бегством Павла Егоровича в городе подсмеивались, на сына-репетитора в плохой обуви и неважных штанах тоже глядели свысока, особенно в богатых домах. Но Антон Чехов был всегда спокоен, ровен, учтив и границы дозволенного мог четко обозначить. В конце концов он смирил даже своего хитроумного хозяина – тот стал относиться к нему почтительно, шестиклассника называл по имени-отчеству Антоном Павловичем.

Об этих его годах мало что известно. Братья были далеко, воспоминаний нет, писем сохранилось немного. Но одно, младшему брату Михаилу, оказалось важным, оно о многом говорит. «Зачем ты величаешь свою особу „незаметным братишкой“? Ничтожество свое признаешь?.. Ничтожество свое признавай знаешь где? Перед Богом; пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не пред людьми. Среди людей нужно признавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество. Не смешивай „смиряться“ и „признавать свое ничтожество“». Это стало мировоззрением человека и писателя: ничтожество свое признавать перед Богом, а достоинство перед людьми.

В Таганроге Антон распродал оставшиеся в доме вещи и отсылал деньги в Москву. Родители торопили, давали советы, Павел Егорович подробно объяснял, как взыскивать мелкие долги: «Капусту должен не старик, а сын Иван Иванович, с него надо получать. Ростенко старик должен, но это есть бесконечная путаница. Получи с Ростенка сына, который в банке служит... он сам брал и знает за собою долг, а к отцу не ходи», «Кровать продай Машенькину, а что за нее просить, мы и сами не знаем, как тебе Бог поможет, так и продай», «Вещи продавай только ненужные и лишние, потому что опустошим дом, а потом трудно будет наживать, что было», «Ждали мы от тебя, не пришлешь ли денег... завтра 26 где хочешь бери...».

Вещи покупали плохо или давали за них гроши. Антон нашел урок. Потом пришлось взять второй, а затем и третий. Павел Егорович за это хвалил: «Для меня приятно, что ты еще третий урок нашел. Старайся, сынок, умей добывать деньги да с умом их расход вести». Трудности не делали Антона мрачным: он острит в письмах к братьям, шутит в письмах к родителям, мать это иногда обижает. «Мы от тебя получили 2 письма, наполнены шутками, а у нас в то время только было 4 коп. и на хлеб и на светло» (на освещение).

Энергия в Антоше кипела – его хватало и на учебу, и на театр, и на распродажу вещей, и на литературные занятия, на посещение библиотеки и городского сада. Городской сад был популярен даже зимой – там устраивали каток, Антон был среди любителей катания. Но и летом сад в жизни молодого поколения занимал совершенно особое место. Там играл превосходный оркестр, в беседке-ротонде можно было посидеть за столиками, где подавали пиво и огромных раков. Там можно было увидеть всех. «Толпа непроходимая и разношерстная, – описывал сад местный литератор А. Нушин. – Смесь запахов духов, семечек, ваксы, дегтя, сивухи и проч. Картузы, фуражки, косынки, изредка шляпы и шляпки. Легкая пыль, мелькающие лица, отрывки фраз. Остроты, каламбуры, часто свобода слова и обращения».

Будучи учеником седьмого и восьмого классов, Антон любил ухаживать за гимназистками и рассказывал брату Мише, что его романы были всегда «жизнерадостны». Была в Таган-

роге «гимназическая» аллея – она же «аллея вздохов». Здесь завязывались все гимназические романы, здесь постоянно бывал и Чехов – он состоял в свите местной красавицы Черец... О его романах мы знаем очень мало, но по некоторым косвенным данным можно полагать, что среди его первых увлечений была некая гречанка.

С тем Петей Кравцовым, которому Антон давал уроки, он подружился. Тот пригласил его к себе на хутор, в гости. Летом Антон к нему поехал, пробыл у него некоторое время. А там степь вокруг, злые сторожевые собаки, широта, простор. Петя научил его стрелять из ружья, ездить верхом, скакать на отчаянных степных жеребцах. Все описания юного Чехова говорят о здоровье, силе, физической привлекательности.

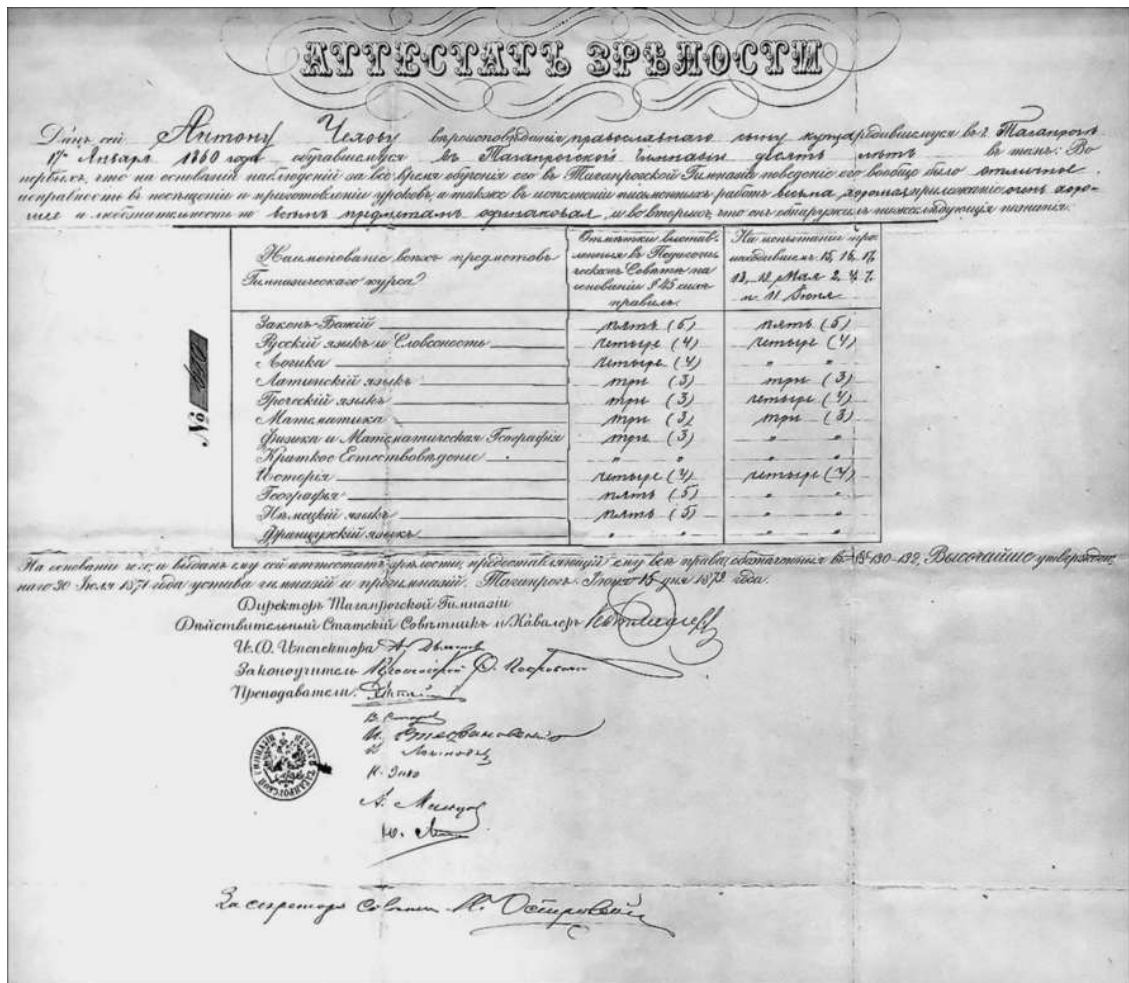
Для слабой же половины человечества было в нем особое обаяние. Издатель Суворин вспоминал одну историю, рассказанную ему Чеховым: «Антон стоял у одинокого колодца и глядел на свое отражение. Пришла девочка лет пятнадцати за водой. Она так пленила его, что он тут же стал обнимать ее и целовать. Затем они еще долго простояли у колодца. Ему не хотелось уходить, а она совсем позабыла о воде...»

В эти три года он часто посещал театр, любил французские мелодрамы вроде «Убийство Коверлей» и веселые французские фарсы вроде «Маменькиного сынка». Благодаря театру юный Чехов приобщился к культуре, искусству. Здесь он впервые познакомился с пьесами Шекспира, Грибоедова, Гоголя, Островского. «Когда мы шли в театр, – вспоминал брат писателя Иван, – мы не знали, что там будут играть, мы не имели понятия о том, что такое драма, опера или оперетка – нам все было одинаково интересно... Идя из театра, мы всю дорогу, не замечая ни погоды, ни неудобной мостовой, шли по улице и оживленно вспоминали, что делалось в театре». Антон много читал, особенное впечатление на него произвели «Между молотом и наковальней» Шпильгагена и романы Виктора Гюго и Георга Борна. В шестом классе гимназии Антон стал издавать рукописный юмористический журнал «Заика», в котором выводил своих московских братьев, и отсылал им его в Москву.

Похоже, что, избавившись от домашнего гнета, юноша Чехов воспрянул. Самым решительным доказательством этого является преуспевание Чехова в гимназических науках, какого вовсе не было раньше. Двойки теперь сменяются лучшими отметками. Сидевший дважды на повторительном курсе в третьем и пятом классах (в первом случае из-за двойки по арифметике и алгебре, во втором – из-за греческого языка), Чехов теперь проявляет недурные способности. «Помимо обычных успехов по любимым предметам – Закону Божьему, русскому языку и истории – он стал получать пятерки даже по бесконечно ненавистному ему греческому языку». По сохранившимся журналам можно видеть, что в последний год пребывания в гимназии он пропустил всего лишь 13 уроков – меньше всех остальных товарищей, у которых иногда эта цифра доходила до 80. Если и отметки, и ученическая исправность сама по себе еще не говорят о действительном росте юноши, во всяком случае, здесь они показатели того, как под давлением необходимости в Чехове развивались исполнительность и ответственность.

Оставил воспоминание о Чехове в старших классах гимназии его одноклассник Шамкович: «Я помню Чехова только в восьмом классе – вероятно, потому, что сидел с ним в этом классе на одной парте... В нашей гимназии в то время, несмотря на расцвет толстовского классицизма и формализма, при полном отсутствии сердечного попечения, было стремление среди учеников искать душу живую. Искали ее, конечно, вне стен гимназии. Одна часть находила ее в чувственных удовольствиях, другая – в кружках, где читали Писарева, Бакунина, Герцена. Чехов не примыкал ни к тем, ни к другим – держал себя особняком. Единственным его увлечением был театр. Начальство оберегало нас и от влияния театра. Антону Павловичу приходилось пробираться в театр, переодеваясь в штатское платье и забираясь на галерею. Ко всяким общественным течениям того времени он проявлял полный индифферентизм. У нас много спорили о политическом терроре, начавшемся в то время в России, делились на сторонников

и противников, Чехов и в этом вопросе стоял в стороне, не одобряя и не порицая террора. Единственный предмет, которым он занимался с удовольствием, был Закон Божий...»

Аттестат зрелости Чехова. 1879 г.

Одним из его преподавателей в гимназии был протоиерей Ф. П. Покровский. Это был весьма своеобразный священник. Красавец, светский, любивший щегольнуть и своей ученостью, и своей нарядной рясой, он обладал превосходным сильным баритоном и готовил себя ранее в оперные певцы. Но та обстановка, в которой он жил, помешала развить его дарование, и ему пришлось ограничиться местом настоятеля таганрогского собора. Но и здесь он держал себя как артист. Он эффектно служил и пел в алтаре так, что его голос покрывал собой пение хора и отдавался во всех закоулках обширного собора. Слушая его, действительно казалось, что находишься в опере. Он был законоучителем в местной гимназии. Все пять братьев Чеховых когда-то учились у него. Никто из них никогда не слышал от Покровского вопросов. Он вызывал, углублялся в газету, не слушал, что отвечал ему ученик, и ставил стереотипное «три». Уже будучи взрослым, Антон рассказывал не раз, как Покровский в разговоре с матерью Евгенией Яковлевной, в присутствии его, Антона, высказал такое мнение: «Из ваших детей, Евгения Яковлевна, не выйдет ровно ничего. Разве только из одного старшего, Александра». Учитель Ф. П. Покровский любил давать своим ученикам насмешливые имена. Это именно он первым назвал Антона Чехова «Антошей Чехонте», чем позднее и воспользовался писатель для своего псевдонима...

В 1879 г. Антон Павлович окончил курс в таганрогской гимназии и был допущен к испытаниям на аттестат зрелости. Аттестат, помеченный 16 июля 1879 года, гласил: «Дан сей

Антону Чехову, вероисповедания православного, сыну купца, родившемуся в Таганроге 17 января 1860 г., обучавшемуся в таганрогской гимназии 10 лет, в том, во-первых, что, на основании наблюдений за все время обучения его в таганрогской гимназии, поведение его было вообще отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ весьма хорошая, прилежание очень хорошее и любознательность по всем предметам одинаковая, и, во-вторых, что он обнаружил нижеследующие познания...» Далее отмечено, что в Законе Божием, географии и немецком языке Чехов преуспевал на 5, в русском и словесности, логике и истории – на 4, в латинском, греческом, математике, физике и географии – на 3.

7. Московские лишения

Евгения Яковлевна с младшими детьми, Машей и Михаилом, прибыли в Москву 26 июля 1876 года. Одиннадцатилетнего Мишу с первого взгляда Москва сильно разочаровала. Таганрог, по его мнению, был много лучше, это был «новый город, с прямыми улицами и с аккуратными постройками, весь обсаженный деревьями, так что все его улицы и переулки представляли собой сплошные бульвары». А тут подвез их поезд «к паршивенькому тогда Курскому вокзальчику, который перед Таганрогским вокзалом мог сойти за сарайчик». К тому же увидел он «отвратительные мостовые, низенькие, обшарпанные постройки, кривые, нелепые улицы, массу некрасивых церквей и таких рваных извозчиков, каких засмеяли бы в Таганроге».

Встретили их на вокзале отец и брат Николай, и всю дорогу к квартире, на Грачевку, Миша с отцом, за неимением у того шести копеек на конку, прошагали пешком. Отец был без постоянной должности, он подрабатывал то тут, то там. Мать тут же стала распродавать привезенные из Таганрога серебряные ложки и рубли. Вся семья помещалась в одной комнате с чуланчиком под лестницей. Спали вповалку на полу, подкладывая кое-какое тряпье. Позднее присоединился к ним приехавший из Таганрога брат Иван. Тягостным для детей был переход с южного пшеничного хлеба на ржаной. Хозяйства не было никакого: то за тем, то за другим нужно было бежать в лавчонку, и скоро Миша превратился в мальчика на побегушках, а тринадцатилетняя Маша – в прачку, обстирывавшую и обглаживавшую всю семью. Она гладила даже крахмальные рубашки для отца и старших братьев. Теперь не было таганрогского простора, детям негде было даже побегать. Эти первые три года жизни, без гроша за душою, были для семьи одним сплошным страданием.

Жили в тяжелой бедности, перебивались кое-как и не видели никакого просвета впереди. За три года жизни в Москве семья переменила двенадцать квартир. Довольно долго они снимали квартиры на настоящем «днище» – на Грачевке (Трубная улица, 36, Трубная улица, 23).

Здесь рядом друг с другом уживались противоположности Москвы. На углу Страстного бульвара огромный и великолепный «Эрмитаж», а через улицу – пивные, дальше убогие районы – Самотека и Грачевка. На подъеме, близ Сретенки и Маросейки, – Рождественский монастырь. А за Трубой, в сторону внешних бульваров и Сухаревки, начинались темные места – кабаки, притоны, заведения.

В середине XIX века на Трубную площадь переехал Птичий рынок, на котором продавали птиц, собак и других мелких животных. Каждое воскресенье со всех концов Москвы съезжались голубятники с голубями и птицеловы, предлагавшие приобрести попавших к ним в силки птиц, любители собак и аквариумных рыбок. Его красочно описывал Владимир Гиляровский: «Охотники и любители птиц наполняли площадь, где стояли корзины с курами, голубями, индюками, гусями. На подставках висели клетки со всевозможными певчими птицами. Тут же продавались корм для птиц, рыболовные принадлежности, удочки, аквариумы с дешёвыми золотыми рыбками и всех пород голуби. Большой угол занимал собачий рынок. Каких-каких собак здесь не было! И борзые, и хортые, и псовые, и гончары всех сортов, и доги, и бульдоги, и всякая мохнатая и голая мелкота за пазухами у продавцов... Продавцы зазывали, по рядам прохаживались покупатели, иногда чудаки-любители. Гомон, грязь, щебетание птиц, детские воздушные шары разных цветов». Птичий рынок на Трубной площади просуществовал до 1924 года.

Семья бедствовала, ссорились, упрекали друг друга, винили Александра, что мало помогает... Павел Егорыч рыскал по всей Москве, искал работу, но находил лишь временные поручения. Однако дома он продолжал ревностно следить за порядком. Для своих троих детей, переселившихся с ним в Москву, он написал и повесил на стене «Расписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семьи Павла Чехова, живущего в Москве». И

там расписывались для каждого из детей их обязанности: сыну Ивану – ему 17 лет – вставать тогда-то, делать то-то.

«Чехов Михаил 11-ти лет, Чехова Мария 14-и лет. – Хождение неотлагательное ко все-нощной в 7 ч. в. К ранней обедне в 6 1/2 и поздней в 9 1/2 ч. по праздникам. Примечание. Утвердил отец семейства для исполнения по расписанию. Отец семейства Павел Чехов. Неисполняющие по сему расписанию подвергаются сперва строгому выговору, а затем наказанию, причем кричать воспрещается».

Обо всех этих горестных пустяках отписывал Александр Антону в Таганрог. Родители косо смотрели на то, что Александр поселился отдельно. Считали это ненужной роскошью. Выходили тяжелые объяснения, с упреками, увещаниями. Александр сдался, уступил и переселился к ним, вместе с собакой своею Корбо. Хорошего получилось мало. «Как мне живется, не спрашивай. Комнаты отдельной у меня нет. В той комнате, в которой я предполагал жить, обитает „жилец“», – отчитывался он Антону.

Александрю одного Корбо, пса, оказалось мало. Он впал в новое увлечение – птицами. Это близость Трубы и птичьего рынка дала себя знать. Уже в феврале 1879 года Александр пишет Антону: «Я... обзавелся птицами певчими всех сортов и видов. Штук до 40; летают на свободе по всем комнатам. Радуют меня и всех». Но можно представить себе, как пачкали эти новые жильцы и так неблестящее жильё Чеховых! Только что веселый их щебет утешал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.